

ВОЛЬНЫЕ ЧАСТНЫЕ ГОРОДА

ТИТУС ГЕБЕЛЬ

Больше конкуренции на
важнейшем рынке мира

12+

Титус Гебель

**Вольные частные города.
Больше конкуренции на
важнейшем рынке мира**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Гебель Т.

Вольные частные города. Больше конкуренции на важнейшем
рынке мира / Т. Гебель — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-0302-3

Новая книга Титуса Гебеля «Вольные частные города» представляет теоретические основы, рассматривает примеры из прошлого и настоящего и дает практические советы о том, как построить вольный частный город в реальном мире. Это необходимо для всех, кто хочет участвовать в этом новом рынке или вообще интересуется концепцией вольных частных городов и альтернативами традиционным политическим системам.

ISBN 978-5-5321-0302-3

© Гебель Т., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть I. Основы	5
Глава 1. Общежитие как рынок	5
Глава 2. Право на жизнь по принципу самоопределения	9
Новая концепция суверенитета	11
Самоопределение	13
Глава 3. Три новые страны – готовы к разнообразию?	16
Лесные сородичи	16
Княжество Христо	16
Джетсония	17
Глава 4. Основные вопросы человеческого общежития	19
I. Что нами движет?	19
А. Социальное государство и ошибочная структура стимулов	20
В. Принцип минимума как ключевая проблема	25
II. Как можно ограничить власть?	27
Проблема насилия и монополия насилия	27
Политика	28
Общественный договор	29
Правовое государство и конституция	30
Права человека	33
Демократия	35
Малость и субсидиарность	41
Конкуренция	44
III. Как создается благосостояние?	45
Добровольная кооперация	46
Собственность	47
Цена как главная управляющая величина	49
Возможности повысить уровень жизни	50
Необходимость получения прибыли	51
Предприниматель	52
IV. Какую роль играет религия?	53
V. Целесообразны ли границы?	59
Гарантия безопасности	59
Предотвращение неприятельских захватов	60
Защита приобретенных прав	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

И открывается, быть может, новое столетие мечтаний интеллигенции и культурного слоя о том, как избежать утопий. Как вернуться к неутопическому обществу, к менее совершенному (и более свободному) обществу.

Николай Бердяев, философ

Когда-нибудь возникнет экспериментальное объединение, функционирующее куда лучше, нежели общество, в котором мы живем. И тогда у нас будет практическая альтернатива.

Карл Саган, астрофизик

Поезжай туда, где с тобой обращаются наилучшим образом.

Кристоф Хойерман, вечный путешественник

Часть I. Основы

Глава 1. Общежитие как рынок

Нам страшно лвыицы пробужденье, ужасен тигра злой разбег, но всех ужасней – в исступленье, в своем безумье – человек. (Перевод Вс. Рождественского)

Фридрих Шиллер, поэт и философ

Эта книга о том, почему в важнейшей сфере нашей жизни мы нуждаемся в альтернативах и как они могли бы выглядеть. Важнейшей сферой я называю жизнь совместно с другими людьми. Ведь давным-давно наши самые страшные враги уже вовсе не природные стихии и не хищные звери, а исключительно другие люди. Поэтому решающее значение имеет вопрос, как мы формируем сообщество с другими людьми. Люди способны сойтись на определенных мировоззрениях и даже отдать за них жизнь. Коль скоро речь при этом идет о сомнительных или опасных идеях, у всех остальных возникает проблема. Стало быть, единственно *реальная* проблема человечества состоит в том, что одни люди стремятся навязать свою волю другим. Вот почему необходимо создать порядок, который этому воспрепятствует.

Преобладающее на Западе мнение исходит из того, что комбинация демократии и правового государства уже представляет собой достаточно хороший способ пресечь злоупотребление властью и обеспечить плодотворное общежитие. После распада коммунистического Восточного блока прогнозировали даже, что настал конец истории¹. Либеральные демократии, основанные на принципе правового государства², являют собой квинтэссенцию развития, дальнейший прогресс более невозможен, и в конечном счете к этому сведутся все системы на свете. Увы, это заблуждение, в частности, потому, что наши свободно-демократические конституции суть нечто совершенно недопустимое по гражданскому праву всех государств, а именно договоры, обременяющие третьих лиц. Но об этом ниже.

Наше общежитие – тоже рынок, ибо, независимо от нашего одобрения или неодобрения, подчиняется его закономерностям. Там, где встречаются люди, еще не безмятежно счастливые, всегда возникает рынок. Любой рынок характеризуется наличием предложения и спроса на

¹ Идея из одноименной работы Фукуямы (Fukuyama, 1992).

² Под этим следует понимать вот что: каждый взрослый гражданин имеет право голоса, в государстве действуют равное, прямое, тайное избирательное право, первенство закона и законодательные ограничения, а также индивидуальные основные права граждан.

товары, услуги и права. Даже если избиратели большинством голосов отдают предпочтение антирыночной системе, а политики затем воплощают ее в жизнь, результат все равно рыночный³. Государства тоже существуют потому, что на них есть спрос. Государственный строй создает рамки, в которых человек может социально взаимодействовать и мирно вести обмен услугами и товарами. Существование безопасности и твердых правил позволяет очень большим множествам людей уживаться друг с другом. Подобное общежитие настолько привлекательно, что ради него мирятся даже со значительными ограничениями свободы. По всей вероятности, большинство населения диктаторских систем тоже предпочтет жизнь в своей стране свободному бытию этакого робинзона на уединенном острове. Ведь человек как-никак стадное животное.

Рынок общежития не только важнейший из всех рынков, но и крупнейший. Государственные активы составляют по всему миру примерно 30 % валового национального продукта⁴. Эффективность, однако, весьма скромна. Балансово крупнейшее «предприятие» на этом рынке, Соединенные Штаты Америки, ежегодно несет убытки размером около 800 млрд долларов⁵. Некоторые участники рынка, например Швеция и Германия, сознательно предпочитают неквалифицированных, нуждающихся в алиментации новых клиентов и тем самым разгоняют свою давнюю платежеспособную клиентуру. Некоторые участники конкуренции, скажем Иран или Северная Корея, даже убивают собственных клиентов за формы поведения, в иных местах вовсе не считающиеся наказуемыми⁶.

Каждому мало-мальски способному предпринимателю не мешало бы это усвоить.

Если б было возможно предлагать услуги государства и одновременно избегать его недостатков – а именно роста налогообложения и мелочной опеки при постоянном изменении правил игры, – то создавался бы более качественный продукт. При успехе системы больше людей захотят сопоставимого. Для этого, конечно, понадобятся новые концепции. Если же любое новое начинание сразу отвергается как утопия, то вероятным следствием станет застой. Беда всех прежних государственных утопий в том, что добровольное участие в них вообще никогда не предусматривалось. Почти все такие утопии по сути своей тоталитарны, начиная от *Платона* с его царями-философами, диктатуры пролетариата у *Маркса* и кончая нынешней идеей *Великой трансформации*⁷. Просвещенное меньшинство стремится провести в жизнь свою точку зрения, независимо от того, одобряют ли ее все остальные или нет. Если заменить это меньшинство демократическим большинством, изменится только число людей, опекаемых против их воли, но не принцип.

А вот конкуренция, метод исследовательского соревнования между государственными устройствами, практически места не имеет. Наоборот, чтобы максимально исключить налоговое или системное соревнование, со стороны государств картельно форсируются международные соглашения. После распада Советского Союза коммунистическая модель практически уже не представлена на рынке общежития, однако и она действовала более семидесяти лет. Здесь перед нами возникает еще одна проблема: ввести новый «продукт» в этом сегменте рынка можно лишь путем прихода к власти, революции или сецессии. Поэтому даже проник-

³ Чисто идеальный спрос – опять-таки спрос на соответствующее предложение. Так, мы не без оснований говорим о «рынке женихов и невест». Здесь тоже есть и предложение, и спрос, и было бы самообманом полагать, что собственные интересы и надлежащее взвешивание предложенного не играют здесь роли, скажем с точки зрения привлекательности, статуса, общностей, происхождения, образования. Даже в дружбе действует рыночный закон: если одна сторона всегда только дает, а другая только берет, не предоставляя «взамен» даже благодарности и хорошей беседы, такая дружба долго не протянет. Ср. по этому поводу также Bökenkamp 2015.

⁴ Приблизительно это соответствует средней государственной квоте всех стран.

⁵ <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/165796/umfrage/haushaltssaldo-der-usa/>

⁶ Большей частью преступления кощунства против бога или божественных вождей, http://todesstrafe.amnesty.at/zahlen_fakten.php

⁷ В этом плане см. пугающие фантазии о всевластии у Шеллнхубера и др. (Schellnhuber 2011).

нуть на этот рынок крайне трудно. Знания о пригодности государственных форм накапливаются в течение поколений, и при жизни тех, кого они непосредственно интересуют, зачастую вообще недоступны. В демократических государствах обычно тоже нет отдушины для меньшинств, позволяющей внедрить иные модели, которые позднее, возможно, окажутся предпочтительнее. Одним из первых это признал *Патри Фридман*, создатель Института системдинга⁸:

Государственной индустрии могут весьма пригодиться инновации. Ведь любая форма власти рано или поздно костенеет. Организация сытых цивилизаций со временем становится консервативной, государство снижает производительность и одновременно взвинчивает цены. Это безусловно справедливо и для западных демократий⁹.

Для многих такая точка зрения совершенно непривычна. Идея, что государство и рынок суть две отдельные сферы и что нормально, если решения за нас принимает вождь или собрание мудрецов, кажется, вошла нам в плоть и кровь. Настолько, что мы даже не рассматриваем самоопределение как альтернативу. Проведем умозрительный эксперимент.

Допустим, мы создали новый сорт джема. И теперь можем побороться с другими, доказывая, чей джем лучше, можем организовать гражданские инициативы, общества и партии, которые будут ратовать за наш сорт. Постараемся привлечь на свою сторону СМИ, деятелей искусства, интеллектуалов и мощные группировки. Закажем экспертные заключения и анкетирование, чтобы доказать преимущество нашего джема над другими сортами. Короче говоря, станем проводить джемную политику. Смехотворно, не так ли? Ведь каждый волен покупать тот джем, который ему по вкусу! Тогда и выяснится, имеет ли наш сорт успех.

Но к мысли применить этот подход к нашему общежитию мы пока что не пришли. И по-прежнему азартно бьемся по поводу того, какой способ совместного существования «правильный» или «справедливый». Почему просто не признать, что все люди разные и то, что нравится А, отнюдь не обязательно должно нравиться Б?

Мы получаем улучшенные мобильные телефоны не потому, что можем как пайщики голосовать на общем собрании, а потому, что каждый может купить себе желанный продукт и спрос на мобильные телефоны более низкого качества в итоге сходит на нет. Поскольку так поступают все, ныне имеются превосходные и вполне доступные по цене аппараты. Даже беднякам в развивающихся странах доступны мобильные телефоны с широкими техническими возможностями. И все это так успешно функционирует потому, что поиски решения на рынке – процесс эволюционный, происходящий посредством мутации (пробы и ошибки), селекции (рентабельность или крах) и репродукции (подражание успешным решениям).

Этот испытанный механизм нужно применить и к системам человеческого общежития. Коль скоро каждый человек каждый день через свои покупательские решения соучаствует в определении того, каким продуктам существовать дальше, а каким нет, – не это ли демократия в смысле *власти всех*? По крайней мере, если сравнить с голосованием раз в несколько лет за политиков, чьи намерения никому точно не известны и чье перемещение на новый пост еще под вопросом.

Трактовка общественного устройства как «продукта» и мирная конкурентная борьба систем за граждан как «клиентов» позволит значительно разрядить существующие политические конфликты. При наличии достаточного числа альтернатив как государственные устройства, жидущиеся на происхождении и чувстве солидарности, так и те, что отвергают частную

⁸ www.seasteading.org

⁹ Friedman 2013.

собственность, являют собой всего лишь технические продукты, одни из многих. Это действительно верно, пусть даже их организаторы категорически отменяют подобный подход. Кроме того, если реализовать новые попытки на ограниченной территории и на добровольных началах, при неудаче ущерб будет обозримым, а в силу сознательной добровольности участников вполне приемлемым.

В XXI веке создание новых систем общежития не просто возможно, но вероятно. Еще в 1936 году *Стефан Цвейг* писал, что большинство никогда не доверит управление государством «терпеливым и справедливым», но всегда каким-нибудь лукавцам, которые придумывают великие судьбоносные вопросы, заранее зная на них ответы¹⁰. В истории человечества столько тому примеров, что, пожалуй, «терпеливым и справедливым» пора взяться за создание собственных сообществ. Шансы здесь весьма недурны. Ведь люди стали мобильнее. Поэтому в будущем родина станет для многих альтернативной. Вдобавок технологический прогресс предоставляет значительные возможности для формирования отдельных небольших групп. Одновременно сохраняется стойкий тренд к урбанизации¹¹. Большинство предпочитает жить в городах, а не на селе, и это тоже результат действия рыночных сил, который надлежит принять как таковой. В первую очередь здесь встает вопрос, как будут выглядеть города будущего, поскольку именно они – кульминация грядущих сообществ. Один из ответов – вольные частные города.

В первой части данной книги рассматриваются основополагающие проблемы, с которыми неизбежно сталкивается любой общественный строй. Отсюда вытекает описанная во второй части концепция вольных частных городов, а также их исторические и современные образцы. Третья часть посвящена конкретным вопросам, связанным с созданием вольных частных городов. И, наконец, в четвертой части дается перспектива будущего развития.

¹⁰ Цвейг (Zweig 1985): «Человечество, неизменно подвластное суггестивному, никогда не подчинялось терпеливым и справедливым, всегда только великим мономанам, которым хватало смелости объявить свою правду единственно возможной, а свою волю – главной формулой мирового закона».

¹¹ Исторически можно констатировать постоянное увеличение доли городского населения. Начиная с 2008 года впервые в истории городское население превышает сельское.

Глава 2. Право на жизнь по принципу самоопределения

Ни один человек не годится для того, чтобы управлять другим человеком без его согласия.

Авраам Линкольн, президент, который тем не менее так и делал

В 1957 году правительство Аденауэра вопреки рекомендациям многочисленных экспертов провело большинством в бундестаге решение о введении пенсионного страхования с рефинансированием. Участие в нем для преобладающего большинства занятых обязательно. С тех пор, несмотря на продление срока трудовой жизни, уровень пенсий снизился от целевых 60 % последней средней заработной платы до 48 %¹².

В 1999 году правительство Коля вопреки рекомендациям многочисленных экспертов провело большинством в бундестаге решение о введении в Германии евро как общей валюты Евросоюза. Мнения трудящегося населения, чья производительность сделала немецкую марку относительно стабильной валютой с соответствующей покупательной способностью, никто не спрашивал. С тех пор все правила стабильности евро были нарушены¹³. Фактически ныне Германия софинансирует погрязшие в долгах южные страны еврозоны, и соответствующие кредитные требования (в частности, сальдо по TARGET2), видимо, безнадежны¹⁴.

Правительство Шрёдера в 2001 году провело большинством в бундестаге решение об использовании бундесвера в Афганистане с целью стабилизации исламского режима, который, в частности, карает смертью переход в христианство¹⁵. Это задействие уже стоило жизни 54 немецким солдатам¹⁶ и обошлось налогоплательщикам почти в 10 млрд евро¹⁷.

В июне 2011 года правительство Меркель вопреки достигнутым немногим ранее договорным соглашениям заявило об отказе от использования атомной энергии. В результате резко поднялись цены на энергию, а федеральные земли и в конечном счете налогоплательщики оказались под бременем многомиллиардных компенсаций по убыткам энергетических концернов¹⁸.

В сентябре 2015 года правительство Меркель постановило открыть границы, так что в Германию хлынули массы преимущественно неквалифицированных молодых мужчин из развивающихся стран. Само правительство оценивает необходимые для этого расходы, особенно на социально-государственное содержание этих людей, в 100 млрд евро только на ближайшие пять лет, по другим оценкам данные затраты вдвое больше¹⁹. Ситуация с безопасностью в Германии с тех пор значительно обострилась. Общественные праздники в крупных немец-

¹² https://www.deutsche-rentenversicherung.de/Allgemein/de/Inhalt/Allgemeines/FAQ/Rente/_%20rentenniveau/rentenniveau.html Повышение пенсионного возраста с 65 до 67 лет полностью действует начиная с тех, кто родился в 1964 году, ранее – помесечными этапами.

¹³ Европакт о стабильности 1997 года ограничивал бюджетный дефицит 3 % валового национального продукта (ВНП), а государственный долг – 60 % ВНП. Поскольку пакт о стабильности никто не реализовал и не было никаких достоверных санкций, он превратился в фарс. Только в период до 2010 года отмечено 74 нарушения.

¹⁴ Sinn 2015, 235ff.

¹⁵ Хотя афганская конституция гарантирует свободу вероисповедания, судьи имеют право выносить приговоры согласно шариату, а по шариату отпадение от ислама карается смертью; www.ead.de/arbeitskreise/religionsfreiheit/nachrichten/einzelansicht/article/afghanistan-nato-verurteilt-todesurteil-gegen-afghanischen-christen.html

¹⁶ <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/153902/umfrage/in-afghanistan-gefallene-bundeswehrsoldaten>

¹⁷ <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/514343/umfrage/ranking-der-teuersten-aus-lanseinsatze-der-bundeswehr/>

¹⁸ www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/bundesverfassungsgericht-zum-atomausstieg-energie-konzerne-haben-anspruch-auf-entschaedigung-a-1124612.html

¹⁹ www.spiegel.de/politik/deutschland/fluechtlinge-bund-stellt-knapp-94-milliarden-euro-bis-2020-bereit-a-1092256.html; www.faz.net/aktuell/wirtschaft/wirtschaftspolitik/fluechtlinge-kosten-deutschland-bis-2017-rund-50-mrd-euro-14045355.html

ких городах зачастую можно провести только при принятии дорогостоящих мер безопасности; в особенности резко возросло число насильственных преступлений²⁰.

Не составит труда продолжить этот список или найти сопоставимые ситуации в других странах. Но что общего у всех этих процессов?

Во-первых, незначительное меньшинство на основании собственных оценок и предпочтений приняло решения, касающиеся всех людей в сфере их господства.

Во-вторых, это меньшинство, если его решения приведут к финансовому или иному ущербу, может не опасаться для себя никакого экономического убытка.

В-третьих, бремя реализации решений ляжет прежде всего на тех, кто был не вправе участвовать в решении.

Этому основному механизму ничуть не мешает, что необходимо одобрение парламента или подключение дополнительных организаций.

Приведенные примеры – лишь малая выборка. Практически проблема охватывает все сферы жизни. От рождения до смерти – на все случаи жизни установлены правила, причем не играет роли, сделали ли бы люди, которых они касаются, такой выбор, если бы могли решать сами. В принципе система целиком построена на том, что А решает, что должны делать Б и В и сколько они должны заплатить Г (и А). В других сферах жизни, однако, человек вполне может решать сам за себя. Например, чем ему питаться, какую выбрать одежду, какую машину, каких друзей и какого брачного партнера. Он решает, куда поехать, как вложить свои деньги, какие страховые соглашения заключить, в какой цвет покрасить свое жилище. Он выбирает, на какие цели жертвует средства, какие у него хобби и какие электронные приборы он себе приобретет. Он определяет, какого мнения придерживается и какие общества и инициативы поддерживает, где и по какой профессии работает, хочет ли иметь детей или нет. Очевидно, человек в состоянии принимать все эти решения под собственную ответственность. Так почему же и в других областях он не может решать сам? Например, как ему заранее позаботиться о своей старости, какие платежные средства предпочесть, какие политические задачи поддерживать, из каких энергетических источников получать электроснабжение, с кем вместе жить и кого содержать. Поясним на примере.

Представьте себе, что вы живете в автомобильной демократии. В такой демократии каждый имеет право, но и обязанность купить автомобиль. Как выглядит этот автомобиль, какой у него двигатель, какая оснастка и какой цвет, решает демократически избранное автомобильное правительство. Оно же определяет, какую цену вы должны заплатить. То и другое зачастую не нравится. Тогда выбирают другое правительство, с другими предпочтениями, которые оно навязывает покупателям автомашин. Постоянно царит разлад по поводу качеств этого единого автомобиля; несчетные производители и поставщики содержат

²⁰ Было бы чудом ожидать чего-то иного, кроме роста уровня преступности, ведь подавляющее большинство мигрантов составляют молодые мужчины, которые так или иначе повсюду сверхпропорционально участвуют в насильственных преступлениях. К тому же они прибывают из стран, где уровень преступности намного выше, нежели в Германии. Попытки политиков и СМИ завуалировать сей факт посредством «творческой» трактовки статистических данных можно назвать только обманом себя и других в особенно тяжелой ситуации. Цифры однозначны: www.tichyseinblick.de/gastbeitrag/sind-migranten-ebenso-kriminell-wie-deutsche/; www.tichyseinblick.de/tichys-einblick/auslaenderkriminalitaet-die-gewaltspirale-dreht-sich/; www.tichyseinblick.de/gastbeitrag/veraenderung-der-kriminalitaet-durch-die-fluechtlingskrise/

лоббистов в правительственных кругах, чтобы их продукт был встроен в модель автомобиля данного правительства. Различные группировки, предпочитающие различные виды двигателей, опять-таки пытаются влиять на парламент и правительство. Несчетные автомобильно-политические группировки заявляют, что не могут платить полную цену, и потому стараются добиться льгот. Несколько лет назад внедрили второй тип автомобилей, более дешевый, с оснасткой попроще. Многие интеллектуалы выступают с критикой: мол, таким образом возникло двуклассовое общество. Но в одном все они согласны: система, конечно, не лишена недостатков, однако ничего лучшего нет. Ведь какова может быть альтернатива? Только автомобильный диктатор или автомобильный король, которого не выбирают демократически и который устанавливает, какой тип автомобиля и по какой цене надлежит продавать всем. Так уже было раньше, а в те времена никто возвращаться не хочет. Мысль, что люди могут из многих предложений и производителей выискать себе автомобиль, который им больше всего нравится, с оснасткой, которая им больше всего подходит, гражданам автомобильной демократии вообще в голову не приходит. Она настолько нелепа, что общественность ее даже не обсуждает.

Мы действительно живем в такой системе. Надо просто заменить слово «автомобиль» на «государственные услуги и активы». Налогоплательщики обязаны финансировать ассигнования на неэкономичные технологии, государственные телецентры и военные акции за рубежом, кафедры гендерных и богословских исследований, даже если они все это отвергают. Далее, граждане, независимо от их желания или нежелания, вынуждены заключать договоры пенсионного страхования, страхования на случай болезни и по уходу за больными. Они не вправе приобретать электролампочки, мощные пылесосы, пластиковые пакеты или сигареты без предупреждений об опасности. И список запретов и приказаний год от года растет. Иными словами, граждане не клиенты, а подданные. Как же так и почему большинство из нас не видят в этом ничего дурного?

Новая концепция суверенитета

Дело в том, что мы по-прежнему привержены к концепции государства и суверенитета, возникшей в эпоху абсолютизма. Понятие суверенитета во внутригосударственной сфере применяется, чтобы обозначить верховную компетенцию осуществления власти в государстве²¹. По исконной концепции этот суверенитет присущ монарху²². В демократических государствах он, согласно официальной трактовке, передан народу, причем суверенитет народа большей частью исчерпывается одноразовым принятием конституции²³, а также участием в выборах и ocasionальных референдумах. Вчерашний мир знал монархических суверенов, а сегодняшний состоит из коллективных суверенов, причем коллективы делегировали свою власть органам, которые в конечном счете – как показывает опыт – все больше отстаивают лишь собственные интересы²⁴.

²¹ Внешний суверенитет есть право юридического лица, каково бы ни было его внутреннее устройство, урегулировать собственные дела независимо от других государств. Он создается через формальное признание другими государствами.

²² Эту концепцию приписывают французскому теоретику государства Жану Бодену (Jean Bodin, 1529–1596).

²³ В Федеративной Республике Германии «суверену» не позволили даже проголосовать по поводу собственной конституции.

²⁴ Beattie 2005, 228f.

Вернемся к автомобильному примеру: разве же не замечательно, если бы вы сами могли решить, какую купить автомашину, с какой оснасткой и сколько за нее заплатить? Или если бы вы могли вовсе отказаться от покупки машины? Ведь вообще-то диктатор или монарх, самовластно и без судебного контроля предписывающий некий автомобиль, отнюдь не единственная альтернатива демократическим выборам правительства, назначающего тип автомобиля. Существуют не только альтернативы со-определения или стороннего определения. Есть еще один вариант – самоопределение.

Почему вообще группа посторонних людей должна решать, как вам жить? В особенности если вы их не выбирали, не давали им поручения, а вдобавок они не очень-то и годятся для таких целей. Вы можете, например, считать, что имеете полное право формировать свою жизнь и ее обстоятельства по собственному усмотрению, а если хотите чего-то от других, то реализуете свое желание на основе добровольного обмена услугами. Вы хотите не со-определения, а самоопределения. Отсюда следуют два общих принципа.

Во-первых, тот, кто не наносит ущерба другим, имеет право быть оставленным в покое, в том числе и правительством, и большинством.

Во-вторых, человеческое взаимодействие происходит на добровольной основе, а не на основе принуждения, в том числе и в больших группах.

Нынешние государства не только не могут гарантировать ни один из этих принципов, скорее они основаны на их нарушении: обладая монополией власти, правительство осуществляет то, что ему хочется, а платить должны вы, независимо от того, нравится вам означенный проект или нет. Так обстоит и в западных демократиях. Смена диктатуры одиночек диктатурой партийных олигархий или большинства, безусловно, не конец истории. Свобода²⁵ и основанное на принуждении господство несовместимы. Легитимировано ли это господство демократически или нет, для данного вывода значения не имеет. Свободе требуется добровольность.

Человек, проживающий в государстве, обязан – согласно традиционной трактовке – выполнять все его правила, какие бы законы государственные органы ни устанавливали или ни меняли. Конфликтные ситуации разрешают опять-таки государственные суды. Такое стороннее определение доходит до того, что даже отказ от гражданства ничего изменить не может. Скажем, человек, уезжающий из Германии, должен не только заплатить налог на переселение, но и обязан следующие десять лет платить налоги на доходы со всех немецких имущественных ценностей, даже если откажется от немецкого гражданства²⁶. При отказе от гражданства США тоже надо уплатить налог на переселение, а также четырехзначную сумму «сбора за прохождение и обработку документа»²⁷. Франция, которая уже много лет в большом количестве теряет граждан-налогоплательщиков, сознательно ставит таким людям бюрократические рогатки.

²⁵ Что есть свобода? Просто-напросто отсутствие принуждения. А принуждением мы называем здесь действия третьих лиц. Таким образом, свобода подразумевает право на действия по принципу самоопределения. Если другие люди принуждают меня к действиям, каких я бы иначе не совершил, я несвободен – например, когда вынужден платить налоги на нежелательные цели. Если другие люди удерживают меня от действий, каких я бы иначе совершил, я несвободен – например, когда не могу высказать негативное мнение об определенных группах населения. И наоборот, действия, вызванные причинами, не связанными с другими людьми, не являются ограничением свободы. Если я не хочу умереть с голоду, то, прожив некоторое время без пищи, я должен поесть. Голод не оставляет мне выбора, но это не «принуждение» в смысле нашего определения, поскольку имеет естественные причины, не связанные с другими людьми. Тот, кто по собственному решению отправится в пустыню, заплутает там и в итоге умрет от жажды, погибнет как свободный человек.

²⁶ Так определено § 2 немецкого Закона о налоге с предпринимателей, связанных с иностранными государствами: www.gesetze-im-internet.de/astg/ 2.html

²⁷ В настоящее время 2 350 долларов США, [https://www.investopedia.com/articles/personal-finance/060515/why-people-
renounce-their-us-citizenship.asp](https://www.investopedia.com/articles/personal-finance/060515/why-people-renounce-their-us-citizenship.asp)

Давняя подруга, больше десяти лет состоявшая в браке с мoneгаском, получила монакское гражданство и потому решила отказаться от французского. Ей пришлось подробно мотивировать свой шаг, мало того, ее даже вызвали на беседу в некую комиссию, которая в конце концов предложила ей на глазах у всех присутствующих разрезать свой французский паспорт. На это она, впрочем, не пошла, положила паспорт на стол и откланялась.

Подобные ситуации напоминают скорее выкуп на свободу из крепостной зависимости, чем прекращение отношений между равными. Уместно заметить, что в приведенных примерах мы говорим о трех государствах, именующих себя оплотом свободы. Ни один производитель услуг не обращается так со своими клиентами. Если человек увольняется, он большей частью получает письмо, где с сожалением подтверждается прекращение действия договора. Нередко его спрашивают, в чем причина, где он нашел лучшие условия, и говорят, что будут рады, если он вернется. Иногда ему даже предлагают более выгодные условия, если он не станет увольняться. Подобное цивилизованное, благожелательное отношение к клиенту не мешало бы перенести и на рынок общежития. Как это сделать?

Самоопределение

Соблюдая отказ от применения силы против других, каждый человек вправе жить так, как он считает правильным²⁸. Этот вывод неизбежен, коль скоро мы желаем достичь долгосрочного мирного общежития. Ведь все прочее означало бы предоставить определенным людям или большинству больше прав, нежели остальным. Поскольку каждый хочет быть успешным в своих действиях – а это возможно, только если не препятствуют третьи лица, – он со своей стороны должен быть готов не вмешиваться в действия других. Таково *золотое правило*, согласно которому следует поступать так, как ожидаешь от других (позитивный вариант), или не причинять другим того, чего не хочешь испытать сам (негативный вариант). Второй вариант заходит не слишком далеко, и потому его легче выполнить²⁹. Он приблизительно сформулирован в афоризме:

Что сам ненавидишь, того не делай другому. (Товит 4:16)

Ниже имеется в виду именно этот вариант. *Золотое правило* как руководство к действию известно еще с Античности. Универсальность его применения обусловлена тем, что оно не требует обращения к божественным заповедям, якобы естественному праву или концепции самособственности. Речь просто идет о проявлении взаимности: как ты мне, так и я тебе³⁰.

Кантов *категорический императив* в конечном счете тоже зиждется на подобной универсализации собственных суждений, причем там со ссылкой на максимы действия проводится различие между чисто субъективными и чрезвычайно разнящимися от человека к человеку склонностями и интересами, с одной стороны, и универсальными свободными пространствами, а также границами оных, с другой³¹.

²⁸ Соответствующие исключения касаются тех, чья познавательная способность объективно ограничена, например детей, слабоумных или душевнобольных.

²⁹ Отчасти поэтому его называют «серебряным правилом».

³⁰ Золотое правило тоже несовершенно. Строгая взаимность означала бы, что мазохистам разрешено мучить других, так как сами мазохисты хотят, чтобы их мучили. Впрочем, такие особые случаи ничего не меняют в общей применимости золотого правила.

³¹ «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Так писал Кант в «Основах метафизики нравственности» 1785 года (Kant 2008). Толкование и точное значение категорического императива, однако, спорны. Для наших целей достаточно понимания золотого правила.

На самом деле, разумеется, мы бы уже очень много выиграли, если бы соблюдалось по меньшей мере *золотое правило* в представленной здесь форме. Ведь в таком случае никакие институты, никакая политика, религия или большинство не имели бы права указывать человеку – против его воли в сугубо частной его сфере, – как ему надлежит себя вести. А ведь означенные институты именно так и действуют, хотя это чистейшая самонадеянность. Только я имею право определять собственную жизнь, предоставляя такое же право и другим, то есть мой образ жизни базируется на универсальных, равно предоставленных каждому человеку разумных основах (Кантовых максимах). Я могу добровольно делегировать это право и по тем или иным причинам подчиниться правилам политических, этических или религиозных идей либо отдать себя под защиту некой власти, но всякое принуждение к этому есть бесправие. Приведу пример.

Сомалиленд – более-менее функционирующее сообщество на севере Сомали (в прошлом Британский Сомалиленд), образовавшееся после развала государственного порядка в Сомали и желающее продолжить свое существование. В США я как-то раз спросил сомалийца-таксиста насчет Сомалиленда. Он нисколько не сомневался, что жители Сомалиленда не вправе создавать собственное государство. На мой вопрос почему, он ответил: «Потому что этого не хотим мы, остальные сомалийцы». Если я в Европе выдвигаю довод, что единомышленники все же должны иметь право жить в собственном сообществе, где, например, не происходит перераспределения, то зачастую мне отвечают примерно так же, как сомалиец-шофер: «Так нельзя, потому что “мы” этого не хотим». Соответственно то же касается и общего отвергания сецессий.

Общества, которые не признают за индивидом права на самоопределение, включающего решение, с какими именно людьми и в какой форме он желает сосуществовать, в известном смысле по-прежнему нельзя назвать свободомыслящими. Они не смогут достичь продолжительного мирного общежития, вместо этого будут вести бесконечную борьбу вокруг того, чего «мы» хотим и что хорошо для «нас всех». Но тот, кто отказывает людям в праве на самоопределяемую жизнь, попросту авторитарен, даже если именует себя либералом или демократом.

Как же одиночка может осуществить право самостоятельно формировать свою жизнь? Этот вопрос возникает в связи с тем, что в обозримом будущем уже только по соображениям безопасности нормой станет объединение в сообщество, а именно в государство или сходную структуру. Конечно, вполне возможно влачить анархическое существование отшельника вдали от цивилизации, но почти все люди предпочитают обмен и совместную жизнь с другими людьми. Проблему самоопределения можно разрешить или хотя бы разрядить, если возникнет подлинный рынок «государственных услуг». Нынешние две сотни стран на семь миллиардов населения с их во многом одинаковыми или сходными системами можно бы дополнить тысячами независимых или частично автономных сообществ. В результате каждому индивиду стало бы легче просто покинуть плохую систему, вместо того чтобы раз в несколько лет оказывать не поддающееся измерению влияние, отдавая свой голос на выборах. Государствам как производителям услуг пришлось бы конкурировать между собой, привлекая клиентов, а не рассматривать своих граждан как дойных коров и подопытных кроликов, на которых они опробуют идеи улучшения мира. Интегрировать новые модели общежития в существующие национальные государства или в наднациональные ценностные и культурные сообщества не составит труда. И до поры до времени даже рекомендуется, в первую очередь по оборонно-техническим соображениям. Такие новые сообщества предоставляли бы свои услуги за плату, например безопасность, судопроизводство, подключение к инфраструктуре. Совокупные права и обязанности, в том числе назначенная за них плата, закреплялись бы – как и на других рынках – в

договоре, который в одностороннем порядке изменить нельзя. Кроме того, каждый имел бы возможность выбрать, какие модули услуг он примет от их производителя, то есть от государства, и соответственно заплатил бы за них. Вот почему дело вовсе не в том, нравятся ли эти сообщества всем или некоему большинству. Главное, что участие, как и всегда в договорных отношениях, зиждется на добровольности.

Те, кто все это отвергает, останутся в традиционных системах. Для многих людей система, основанная на собственной ответственности и самоопределении, может оказаться попросту неподходящей. Им требуются руководство, нормы жизни, а также постановка целей. Подобное решение тоже надо уважать. Хотя в будущем следует признать суверенитет исключительно за индивидом, пусть даже он не желает им пользоваться.

Итак, каждый в принципе *сам себе суверен* и высшая инстанция по урегулированию собственных дел, как внешних, так и внутренних. Этот выигрыш в самоопределении при одновременно более высоком качестве услуг по более низким ценам будет столь привлекателен, что сможет изменить даже существующие системы, причем не понадобится ни насилия, ни революции, ни победы на выборах.

Такой суверенитет индивида, разумеется, полная противоположность всем коллективным идеям политического или религиозного характера, которые требуют, чтобы люди отказались от желания самостоятельно распоряжаться своей жизнью в пользу общего блага или божественного порядка. Однако же они зачастую умалчивают, *кто* именно определяет общее благо или божественный порядок. А определяют его исключительно представители самих этих идей. Причем образ их действий случайно соответствует их собственным интересам и предпочтениям. Нередко они стараются утаить это даже от самих себя. По сути, все нынешние системы в основе своей ограничивают власть правителей, однако вообще не ставят под сомнение легитимность господства над другими людьми. В иных областях такой подход давным-давно устарел. Там мы имеем право сами решать, как нам обустроить свою жизнь. А необходимую помощь получаем от производителей услуг.

Вернемся к первоначальным примерам: речь шла о пенсионном страховании, введении евро, энергетическом повороте, открытии границ и использовании военного контингента за рубежом. В договорно регулируемом обществе услуг государственный oferent не смог бы задним числом принудить вас ни к участию в определенной системе пенсионного страхования, ни к обмену ваших денег на нежелательную для вас валюту. За исключением некоторых экологических предписаний и предписаний по технике безопасности он не смог бы повлиять и на то, кто и на каких условиях предлагает электроснабжение. Конечно, он мог бы изменить критерии иммиграции, но ни в коем случае не мог бы обязать вас нести финансовую ответственность за ее последствия. Более того, ему самому пришлось бы возмещать ущерб, коль скоро его действия ухудшили ситуацию с безопасностью. А если бы вам захотелось поддержать военные интервенции в других регионах мира, чтобы вмешаться в чужие раздоры, воля ваша. Вмешивайтесь. Однако за собственный счет.

Глава 3. Три новые страны – готовы к разнообразию?

Нет худшей тирании, чем заставлять человека платить за то, чего он не хочет, просто оттого, что, по-вашему, ему это на пользу.
Роберт Хайнлайн, писатель-фантаст

Представьте себе, что в Европе будущего, признающей самоопределение индивида, в нескольких местах образовались новые страны. Рассмотрим три из них поближе.

Лесные сородичи

Страна *Лесных Сородичей* называется так потому, что эти люди поселились в краю, богатом лесами. Они организуются в отдельные поселения, которые делятся, когда численность населения достигает более 150 человек. Каждая деревня состоит из общественных и индивидуальных построек. За пределами собственного жилища все находится в общественной собственности. Обитатели заботятся о больных и стариках. В принципе в сообществе царит свободная любовь, даже после возникновения пар. Детей воспитывает все деревенское сообщество. С пятнадцатилетнего возраста молодежи предоставлено сексуальное самоопределение. Лесные Сородичи стремятся жить как можно ближе к природе, не загрязняя окружающую среду. Довольствуются тем, что обеспечивают себе необходимое для жизни. С другими деревнями ведется меновая торговля, нередко делаются закупки и во внешнем мире. Управляют поселениями деревенские старосты, как правило зрелые женщины. Вопросы о приеме новых поселенцев и проч. жители решают на демократической основе.

Карола Б., основательница Лесных Сородичей и староста первого поселения, разъясняет: «Такова наша модель: рай без роста. Нам нужна не свобода, но общность. У нас меньше материального благосостояния, зато больше социального тепла. Человек не годится для анонимного массового общества и оттого несчастен. Зачем все это потребление, приобретательство и все больший рост ради повышения жизненного уровня? Затем что мужчины хотят произвести впечатление на женщин. А почему мужчины хотят произвести впечатление на женщин? Потому что хотят с ними секса. И если теперь могут получить его без всякого стресса, без разрушения окружающей среды, без нажима конкуренции и стремления быть все сильнее, все значительнее, все лучше, то они куда уравновешеннее и счастливее! Конечно, мы знаем, что кое-кто из нас имеет опору, а то и состояние где-то еще. Но если кто-либо зарабатывает деньги во внешнем мире, а потом селится у нас и привозит с собой их часть и отдает общине, все в полном порядке».

Княжество Христо

Княжество Христо принимает исключительно белых поселенцев-христиан. Жители выбирают пожизненного князя, а он назначает правительство. Князь, правительство и народ могут предлагать законопроекты, утверждаемые путем прямой демократии. Княжество разделено на общины, обладающие широкой автономией и отвечающие также за социальное обеспечение, которое может разниться от общины к общине. Жители считают, что за социальное обеспечение в первую очередь ответственна семья, во вторую очередь – церковь и только в третью – община. Те, кто получает доходы из-за границы, и госслужащие исключены из избирательного права, во избежание конфликтов интересов. Идеал – традиционная семья, где мужчина – глава и главный кормилец. Аборты допустимы лишь в самых исключительных случаях. За каждого ребенка семьи получают дополнительный голос на выборах и референдумах. Для

всех мужчин существует воинская повинность, границы охраняются армией. Личные и экономические свободы довольно высоки, правда различны от общины к общине. Ожидается, что по воскресеньям все ходят в церковь.

Мартин С., основатель княжества и первый выборный монарх, сообщает: «Пресса мейн-стрима сплошь да рядом описывает нас как модель позавчерашнего дня, расистскую и сексистскую. Но на самом деле народ к нам валом валит, кандидатов пруд пруди. Кстати, мы вовсе не против других этносов или религий, пусть они счастливо живут в собственных общинах. Однако мы хотим избежать судьбы евреев, нам вовсе не улыбается тысячу лет пребывать в роли угнетенного меньшинства, прежде чем мы надумаем объединиться в собственное государство. Мы хотим жить так, как живем, и хотим, чтобы так и оставалось. Люди у нас прилежные, интеллигентные. Поэтому мы можем идти в ногу со временем в сфере высоких технологий и соответственно экспортировать то, что в свой черед обеспечит нам высокий жизненный уровень. Наши семьи в полном порядке, рождаемость стабильна, и сплоченность в общинах вполне хорошая. Христианскую веру мы считаем важной, поскольку она сплачивает общество. Уровень преступности у нас низкий. Конфликты между общественными группами – редкость. Мы считаем, что фактор успеха – наша этническая и конфессиональная гомогенность».

Джетсония

Джетсония – это крупный независимый город, которым управляет частное предприятие, обеспечивающее также его безопасность. Каждый житель платит установленный ежегодный взнос. За это предприятие предоставляет ему инфраструктуру, силы безопасности, спасательные службы и систему регулирования споров. Подробности регулируются договором, заключаемым между предприятием и каждым отдельным жителем. Предприятие не вправе менять этот договор в одностороннем порядке, а расторгнуть его можно, только если житель нарушил свои договорные обязательства. Споры по этому поводу рассматриваются независимым третейским судом. В остальном обитатели могут поступать как им заблагорассудится, покуда они не наносят ущерба другим. В городе действуют широкая свобода слова и заключения договоров. Нет ни политики, ни парламента, ни центрального банка. От всех случайностей жизни горожане по желанию застраховались частным образом или организовали группы взаимопомощи, будь то с целью защиты от болезней, смерти, потребности в уходе или от несчастных случаев. Каждый может без разрешения или лицензии предлагать новые продукты и услуги и принимать в оплату любую желаемую валюту. Для опробования новых идей в Джетсонии учреждена так называемая *анкап-зона*, где жители не платят ни гроша, но сами заботятся обо всем, в том числе о правилах своего общежития.

Пресс-атташе предприятия, Франк К., заявляет: «Большинство здесь не желает никаких политических или религиозных директив насчет того, как им жить. Поскольку плотность регламентации в Джетсонии минимальна, мы сумели создать множество инноваций и достичь высокой производительности. Людей не стравливает никакая политика, им вообще незачем думать о политике, ибо ее не существует. С другой стороны, им нет нужды опасаться и постоянных столкновений с новыми правилами. Поскольку у нас господствует свободная торговля, а стало быть, каждый может беспощинно импортировать что угодно, и, кроме ежегодного взноса, никаких налогов ему платить не нужно, у малоимущих тоже высокий жизненный уровень. Мы не имеем валюты, которой можно манипулировать, поэтому покупательная способность наших жителей постоянно растет. Обеспечение по старости планируется и позволяет выйти на пенсию в любой момент, когда заинтересованное лицо сочтет достигнутый уровень достаточным. В принципе к нам может приехать из любой точки мира любой человек, который способен себя обеспечить и принимает наши основные правила. Однако мы внимательно изучаем претендентов; преступные элементы, а также политические или религиозные экстремисты либо сразу

же получают отказ, либо очень быстро покидают наш город. Касательно соблюдения наших немногочисленных правил действует принцип нулевой толерантности. Перераспределения у нас нет, как нет минимальной заработной платы и гарантий от увольнения, все решается напрямую между участвующими сторонами или их представителями. Я спрашиваю вас: если мы такая скверная эксплуататорская система, почему столько людей со всех концов света добровольно едут к нам?»

* * *

Таковы три совершенно разные системы общежития. Объединяет их вот что: во-первых, добровольное участие. Во-вторых, в нынешней Европе у них нет шансов возникнуть. Ведь их невозможно согласовать с господствующим правопорядком или моралью. Но что дурного, если люди, которым этого хочется, организуются иначе, нежели кажется правильным большинству? Неужели вправду стоит стремиться к тому, чтобы мир повсюду выглядел одинаково? Может быть, оптимальной системы для всех вообще не существует? Может быть, даже и для одиночек? Почему бы молодому человеку не провести несколько лет у *Лесных Сородичей*, из идеализма и чтобы набраться сексуального опыта. Потом он может отправиться в *Джетсонию*, чтобы создать себе экономическую базу, сколотить состояние и обеспечить старость. А вечер жизни он проведет в *Княжестве Христо*, где будет хорошо чувствовать себя в защищенности, среди таких же, как он сам.

Готовы ли мы допустить все три модели? Если нет, тогда *мы сами* проблема для плодотворного сосуществования всех людей, мы, а не политики, не крупные концерны и не сверхбогачи. Ключ к мирному сосуществованию – не препятствовать другим быть счастливыми на их собственный лад.

Глава 4. Основные вопросы человеческого общежития

*У нас чувства каменного века, средневековые институты и богоравная техника.
Эдуард О. Уилсон, исследователь муравьев*

Коль скоро мы хотим улучшить традиционные институты нашего общежития, нам надо сначала разобраться, почему люди живут сообща в определенных формах, что ими движет и какую роль играют определенные учреждения. Это позволит выявить, какими качествами могли бы обладать успешные и мирные новые системы общежития, которые не нуждаются ни в «новом человеке», ни в каком-либо ином изменении нашего эволюционного облика.

I. Что нами движет?

*Покажи мне стимулы, и я предскажу результат.
Чарли Мангер, легенда инвесторов*

Человек всегда и везде реагирует на стимулы, независимо от того, обладает он свободной волей или нет. Кто этого не понимает, не способен понять мир. Когда определенный результат выглядит нежелательным или сомнительным, стоит непременно спросить себя, какие стимулы к действию здесь имели место. Заложив в основу такой посыл, мы найдем и ответы на вопросы, почему западные системы оказались в столь трудном положении и почему в других регионах мира альтернативы тоже по-настоящему не работают. В некотором смысле врожденный главный стимул каждого человека – повышать свое благополучие; в этом плане он ничуть не отличается от прочих млекопитающих. По удовлетворении основных человеческих потребностей это означает: повышение уровня жизни. Причем к уровню жизни относятся не только материальные вещи, но и нематериальные привилегии: такие, как власть, влияние, опыт, а в особенности общественное признание³². Всегда есть отдельные аскеты, которые по моральным или разумным соображениям умеют противостоять стимулам к повышению своего благополучия, однако это редкие исключения, да и в подобных случаях имеются стимулы и целевые установки, в итоге объясняющие поступки означенного лица. Стремление к максимизации своекорыстия свойственно также и избранным или назначенным представителям государства, например политикам и чиновникам. У них, разумеется, нет возможности посредством прямых доходов генерировать экономический успех, однако в силу своего положения они вполне могут повысить и свои доходы, и влияние. Что они и делают³³. То же относится и к представителям Церкви и иным служителям институционализированного общественного блага, они, как правило, тоже действуют своекорыстно. Человек, который, помогая другим, чувствует себя лучше, действует (опять-таки) своекорыстно. Здесь нет ничего предосудительного, важно только понимать сей факт.

Наличие верных или неверных стимулов объясняет почти всё.

Тому, кто вкладывает большие деньги в предприятие, чьи основатели и управляющие вообще своих денег туда не вкладывали, не стоит удивляться, если дело потерпит неудачу.

³² Ср. пирамиду потребностей Маслоу.

³³ Примерно то же утверждает так называемая теория общественного выбора, ср. Buchanan/Tullock 1962. Согласно этой теории политически ответственные лица думают прежде всего о своей индивидуальной выгоде, а уже потом о всеобщем благе.

Тому, кто выплачивает социальные льготы за безделье или просто за рождение детей, причем стоимость этих льгот приблизительно равна или выше заработной платы, которую низкоквалифицированные работники могут получить на рынке, не стоит удивляться, что эти люди не работают и работу не ищут.

Тому, кто облагает предприятия высокими налогами, полностью регламентирует их деятельность и даже предписывает, кого им нанимать на работу, не стоит удивляться, если больше никто не захочет становиться предпринимателем.

Тому, кто дает политикам власть и не оговаривает ни малейших экономических санкций, каким они подвергнутся, если что-нибудь пойдет не так, не стоит удивляться, что они принимают безответственные и плохие решения.

Тому, кто открывает свои границы для мигрантов со всего мира и обеспечивает этим мигрантам социальные льготы, превышающие средний заработок в странах, откуда они явились, не стоит удивляться, если легионы людей будут прибывать без конца, пока в итоге не рухнет внутренняя безопасность и социальные системы.

Все это относительно простые причинно-следственные взаимосвязи. Их можно игнорировать, но нельзя игнорировать последствия такого игнорирования. Перманентное использование неверных стимулов – одна из главных причин слабости нынешних политических систем. Однако возникают неверные стимулы не по глупости, а потому, что сама структура наших политических систем соблазняет политиков их выдвигать. Рассмотрим это на примере социального государства.

А. Социальное государство и ошибочная структура стимулов

Благотворительность считается первой христианской добродетелью. Однако, если ее трактуют как инструмент равенства и как закон и возводят в государственный принцип, она становится изъяном общества. В таком случае она – обращение принципа, что каждый человек должен сам производить то, что потребляет. Поэтому ее результат всегда непродуктивное потребление. Избыточная опека над бедными прямо-таки возвращает бедность, расхолаживает людей, не способствуя самопомощи и перекладывая ответственность на государство, убивает желание работать, прилежание, бережливость и поощряет безделье.

Герман Ренч, руководство по национальной экономике, 1866 г.

Социальное государство³⁴ многие считают совершенно необходимым завоеванием современных государств. Ведь оно защищает от таких жизненных рисков, как голод, болезнь и бед-

³⁴ Под социальным государством следует понимать принуждение к участию и взносу в сфере пенсий, здравоохранения и безработицы или же их спонсирование через налоговые средства. Наряду с этим происходит перераспределение посредством финансируемого из налогов основного обеспечения неимущих (социальная помощь), а также не подлежащих возврату пособий и субсидий по различным случаям. Сюда же добавляются многообразные предписания в пользу определенных групп, особенно в трудовом праве.

ность, и обеспечивает каждому человеку достойное существование. Эти цели вполне почетны и возражений не вызывают. Но социальное государство не годится для того, чтобы постоянно их достигать. В конечном счете оно ведет к краху, лишает свое население дееспособности и служит причиной асоциального поведения. То есть в результате ухудшает обстоятельства, которые хочет преодолеть. Поэтому дни социального государства сочтены, хотя сейчас у него еще очень много сторонников. Его существенный минус – систематическое использование неверных стимулов. Как политика, так и управление и получатели услуг подвержены воздействию множества стимулов использовать систему в собственных интересах. Социальное государство таким образом тоже подлежит *трагизму альменды*³⁵.

Неверные политические стимулы

В политике серьезнейший неверный стимул – покупка голосов посредством социальных благосостояний. Иначе говоря, краткосрочный подкуп избирателей без учета долгосрочных последствий: повышение пособия на детей, снижение пенсионного возраста, расширение услуг по страховке на случай болезни, увеличение социальной помощи и т. д.

Самую крупную победу на выборах в истории ХДС одержал в 1957 году Конрад Аденауэр. Это ему удалось, потому что вопреки очевидным сомнениям экспертов он внедрил в пенсионном страховании чистый метод распределения и таким образом сумел сразу значительно поднять средний размер пенсий. В дальнейшем так и продолжалось, как в Германии, так и в других странах³⁶. Под аплодисменты избирателей и СМИ каталоги социальных услуг постоянно расширялись, а уровень услуг повышался. Политики, поддерживающие сокращение услуг, рано или поздно сходят со сцены.

Следующий неверный политический стимул – расширение власти через расширение социального государства. Чем больше сфер отводится государству, чем больше становится потребителей услуг, тем сильнее политика. Вот почему она и стремится достичь именно этого, независимо от последствий. Данный стимул был изначально заложен в основу создания социального государства. Вопреки бытующему мнению, современное социальное государство отнюдь не достижение социал-демократии. Вообще-то его насадил сверху немецкий канцлер Бисмарк в конце XIX века с целью ослабить властную позицию профсоюзов и усилить привязанность рабочих к государству. Место социальной самопомощи в профсоюзах и профобъединениях заняло патерналистское принудительное решение. В независимых, имущих рабочих Бисмарк видел политическую угрозу³⁷. Соответственно социальное государство все больше расширялось. В Германии обязательное страхование на случай болезни первоначально распространялось только на рабочих с низким уровнем дохода, но постоянно расширялось. В 1927 году добавилось страхование от безработицы. В 1995-м ввели обязательное страхование по уходу за больными. И наконец, с 2009 года все живущие в Германии обязаны иметь страховку на случай болезни. Люди свободных профессий и те в принудительном порядке должны заключать договоры пенсионного страхования, за ними наверняка последуют остальные не работающие по найму. Хотят ли они этого, никого не интересует.

Неверные бюрократические стимулы

Неверный стимул для администрации – оплата неудач. Больше социальных проблем, больше нуждающихся – для социальной бюрократии это означает увеличение бюджетов и рост

³⁵ Под альмендой в Средние века понимали коллективную собственность общины, зачастую пастбища. Поскольку оно принадлежало всем и никому, каждый пытался пасти там свой скот, чтобы поберечь собственные угодья. Результатом было регулярное перетравливание пастбищной альменды.

³⁶ Наглядный список см. Habermann 2013, 252f.

³⁷ Habermann 2013, 182.

числа сотрудников. Поскольку всякая бюрократия стремится расширить свою власть и влияние, у нее постоянно есть импульс не решать проблемы или объявлять их решенными, но делать прямо противоположное. Если повышаются цены на бензин, обсуждают, например, не снижение налога на нефть, которое облегчило бы «социально ущемленным» возврат к участию в дорожном движении. Вместо этого предлагается ввести для них пособия или талоны на бензин, поскольку для этого требуется еще одно ведомство и увеличивается власть администрации и политики. Значительная часть социальных затрат идет, таким образом, уже вовсе не на нуждающихся, а прямиком в постоянно растущую машину перераспределения.

Неверные стимулы, соотнесенные с услугами

Неверный стимул для получателей услуг ведет к тому, что они не в меру и без необходимости используют предлагаемые услуги, поскольку те якобы бесплатны. Социальное государство наказывает скромность и сдержанность и награждает избыточное потребление, а также нечестность. Ведь с неумолимостью закона природы действует принцип: *каждая дотация ведет к увеличению множества дотированных товаров.*

Когда британские колониальные власти в Индии вознамерились совладать с нашествием кобр, каждому, кто предъявит мертвую кобру, было официально обещано вознаграждение. В результате популяция кобр выросла до дотоле невиданных размеров: кобр разводили, чтобы получить премию³⁸.

Несколько лет назад Германию держала в напряжении масштабная забастовка железнодорожных машинистов. Перед началом важных переговоров председатель профсоюза вдруг исчез. Пресса уже предполагала внутренние схватки за власть, когда стало известно, что сей начальник просто-напросто уехал в очередной отпуск³⁹ на лечение. Отпуск этот уже не раз откладывался и теперь просто бы пропал. Как дитя социального государства он явно не мог поступить иначе, кроме как в самый серьезный момент покинуть сражающиеся войска. Нельзя же, чтобы отпуск пропал!

Стало быть, речь не о том, есть добрые намерения или их нет. Главное – результат. Если будут платить за то, что ты беден, нетрудоспособен, болен или воспитываешь ребенка в одиночку, то и такие обстоятельства будут встречаться все чаще.

Следующий неверный стимул социального государства состоит в исключении личной предусмотрительности и ответственности. Зачем следить за состоянием собственного здоровья, если в случае болезни можно рассчитывать на выплату полной заработной платы? Зачем заблаговременно принимать меры против жизненных рисков или побуждать к этому близких? Ведь каждый имеет право на «необходимые средства к жизни». Сюда относятся посещение театров, кино, концертов, телефон, радио, телевидение и подключение к интернету, а также подписка на газету. К этим нормам социальной помощи добавляются одноразовые пособия на особые приобретения, полное покрытие расходов на оплату жилья и страховки, а также рождественские пособия⁴⁰.

Наряду с этим существует стимул постоянно требовать новых услуг. Вопреки расхожему мнению, перераспределение в социальном государстве происходит вовсе не преимущественно от богатого к бедному. Непрерывно идет перераспределение между всеми группами доходов, чтобы обеспечить определенным группам особые льготы – например, матерям-одиночкам, студентам, театрам, пострадавшим от природных катастроф и т. д. Поскольку же перераспреде-

³⁸ <https://de.wikipedia.org/wiki/Kobra-Effekt>

³⁹ «Вельт» (“Die Welt”) от 18.10.2007: «Сегодня забастовка машинистов – а шеф профсоюза едет в отпуск».

⁴⁰ По крайней мере, в Германии, Habermann 2013, 226.

ление осуществляется не в каком-то одном направлении, трудно оценить, кто именно получает фактическую выгоду, а кто нет. Однажды усвоив, что достаточно – во имя социальной справедливости – громко потребовать услуги, организованная группа будет и впредь действовать так же. За нею потянутся и другие общественные группы, прекрасно понимая, что иначе будут только платить за льготы, полученные более активными группами.

Эти проблемы обостряются в связи с миграцией. По причине высоких социальных отчислений квалифицированные налогоплательщики эмигрируют, зато иммигрируют не желающие работать получатели услуг.

Мне лично известны несколько случаев, когда ведущие сотрудники эмигрировали из Германии и Австрии в Швейцарию. Причиной, в частности, были более низкие в Швейцарии социальные отчисления. И наоборот, один из азиатских мигрантов рассказал мне, что у него, собственно говоря, нет стимула работать, потому что как отец семейства он имеет возможность получать социальную помощь в объеме, превышающем жалование министра (!) у него на родине.

Тому, кто постулирует универсальное право человека, позволяющее жить за счет других, не стоит удивляться, если в конечном счете этого права требуют. Человек, который в развивающейся стране ежедневно по десять часов выполняет тяжелую работу и получает за это в месяц сто долларов США, в самом деле задумается, не лучше ли перебраться в Центральную Европу. Здесь он фактически ежемесячно получает тысячу долларов США за безделье, включая превосходную инфраструктуру. Логично, что, например, в Швейцарии лишь каждый седьмой из тех, кто официально претендует на статус беженца и имеет разрешение на пребывание в стране, занят регулярной работой⁴¹. И чем больше семья, тем выше претензии.

В Германии получил известность сирийский беженец, у которого четыре жены и 23 ребенка. Он претендует на круглым счетом 30 000 евро социальной помощи в месяц, вообще ни разу не заплатив ни гроша налогов⁴². Средний доход немца составляет примерно 3 700 евро в месяц⁴³.

Трагическим образом данная система стимулов ведет к тому, что у себя на родине продуктивные производители услуг соблазняются к миграции в социальные государства, чтобы там стать алиментрованными потребителями услуг. Эмигранты из социальных государств, как и иммигранты, поступают по-человечески, стремясь повысить свой уровень жизни. При этом они используют предлагаемые им системы стимулов. В результате социальное государство теряет дающих, получая взамен больше берущих. Фактически отсюда следует также, что комбинация открытых границ и социального государства функционировать не может, а иными словами, представляет собой надежный рецепт катастрофы⁴⁴. Упорный отказ западных элит признать данное положение вещей может раньше, нежели ожидается, нанести социальному государству смертельный удар.

Последствия описанных неверных стимулов очень серьезны: сверхзадолженность, мелочное попечительство и асоциальное поведение.

⁴¹ Еженедельник «Вельтвохе» (“Weltwoche”) 51/52, 2014, «Просто социальное государство» (“Sozialstaat einfach”).

⁴² https://deutscherarbeitgeberverband.de/klartextfabrik/2016_10_03_dav_klartextfabrik_frauen-kinder.html

⁴³ <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/237674/umfrage/durchschnittlicher-bruttomonatsverdienst-eines-arbeitnehmers-in-deutschland/>

⁴⁴ В этом плане стоит почитать убедительные выкладки Sieferle 2017, хотя он и недооценивает внутренне неверную конструкцию социального государства.

Сверхзадолженность

Социальное государство – государство долговое, которое уже не сумеет выплатить будущим поколениям обещанные услуги. В силу вышеописанной структуры стимулов система постоянно сталкивается с оттоком плательщиков при одновременном росте числа получателей услуг. Параллельно все время возрастают уровни услуг и раздувается социальная бюрократия. Поэтому не только постоянно увеличиваются государственные расходы, но и сокращается возможный экономический рост. Ведь в секторе производства занято все меньше людей. Но меньший экономический рост в свою очередь ведет к росту числа нуждающихся. То есть налицо замкнутый круг. Социальное государство все отчаяннее борется с проблемами, какие само же и породило.

Методы распределения ускоряют путь к финансовому краху. Большинство социальных «страховок» (пенсионная, на случай болезни и безработицы) основаны на распределении денежных сборов, то есть уплаченные взносы тотчас распределяются дальше по получателям услуг. Поскольку наличные средства просто перераспределяются, нет никакой экономии, никаких инвестиций, а тем самым нет и прибыли. Если плательщиков становится все меньше, если они постоянно стареют и заводят все меньше детей, у системы возникает серьезная проблема. А потому огромный, обусловленный конструкцией рост затрат социальных систем уже не один десяток лет удается покрывать только за счет увеличения государственной задолженности. Задуманная как решение массовая иммиграция неквалифицированной рабочей силы не решает эту проблему, а только усугубляет.

Реформы социального государства суть либо просто косметика, либо по прошествии 15–20 лет оставят всего-навсего легкий изгиб в постоянно поднимающейся кривой затрат. Логично, что за последние сто лет государственная квота в западных демократиях возросла от в среднем 12 % до почти 50 %⁴⁵. Вменяемые социальному государству расходы составляют ныне в Германии уже более 50 % государственного бюджета⁴⁶. За последние сорок лет немецкий государственный долг увеличился со 167 млрд до 2 000 млрд евро⁴⁷! Если учесть все пенсионные и социальные претензии общин и земель, то эта цифра достигнет 8 000 млрд, то есть 8 трлн евро⁴⁸. В других западных социальных государствах дело обстоит сходным образом.

Если число берущих будет впредь увеличиваться, а число дающих – падать, при том что будет расти и социальная бюрократия, то крах государственного и социального бюджета всего лишь вопрос времени. Фискальные уловки центральных банков, такие, как манипуляции по снижению процентных ставок или покупка собственных государственных займов, могут лишь отсрочить этот результат, но не предотвратить его.

Мелочная опека

Социальное государство – государство авторитарное, оно приказывает, что надо делать, и гражданин обязан подчиниться. Безразлично, желает он или не желает равномерно распределять свои доходы по всем жизненным этапам, как предписано законодательным пенсионным страхованием. Безразлично, предпочитает ли минимальное страхование на случай болезни лишь с учетом высоких рисков. Индивидуальные жизненные планы в системе все менее допу-

⁴⁵ <https://ourworldindata.org/public-spending/>. Государственная квота – доля государственных затрат в валовом национальном продукте.

⁴⁶ www.bundeshaushalt-info.de/#/2017/soll/ausgaben/einzelplan.html: работа и социальные статьи – 41,81 %, здравоохранение – 4,61 %, семья – 2,89 %, образование – 5,36 %.

⁴⁷ 1977–2017; www.destatis.de/DE/ZahlenFakten/GesellschaftStaat/OeffentlicheFinanzenSteuern/OeffentlicheFinanzen/Schulden/Tabellen/SchuldenNichtOeffentlich_Insgesamt.html

⁴⁸ Prollius 2012, 57–77; 65. Braunschweig 2012, 31f.

стимы. Отсюда следует растущая мелочная опека, а тем самым ограничение свободы. Гражданину не дают идти своим путем, как не дают и приобретать собственный опыт и извлекать из него урок. Заранее предписан путь к недееспособности. А откуда, собственно, проистекает право принуждать мирных ближних к участию в том, чего они не желают?

Асоциальное поведение

Социальное государство развращает людей, поощряя асоциальное поведение. Существуют мощные стимулы поступать нечестно и непорядочно («симулировать болезнь»). Место собственной предусмотрительности занимает зависимость. Место ответственности – недееспособность. Место любви к ближнему – стремление выжать максимум для себя. Место самоутверждения – поиски незаслуженных доходов. Место благодарности – агрессивная требовательность. Повсеместная в социальном государстве претензия общественных групп на перераспределение фактически становится приглашением к совершению наказуемого деяния. Ведь перераспределение возможно, только если у людей отнимают плоды их труда. Следствие – нескончаемая борьба за перераспределение, а значит, социальные раздоры и зависть. Но ведь нет общепризнанного правового принципа, позволяющего двум людям лишать третьего собственности. Личная неудача или несостоятельность отнюдь не основание для привилегии эксплуатировать других.

Защитники социального государства возразят, что «солидарности» и «социальной справедливости» невозможно достичь иным путем. Но солидарность, достигнутая под угрозой насилия, таковой не является. «Социальная справедливость» неопределима и всегда зависит от позиции наблюдателя. Что же допускает для человека возможность жить за счет других и кто судья, который выносит такое решение? По какому праву А решает, сколько Б должен заплатить В?

В. Принцип минимума как ключевая проблема

Если проблемы настолько очевидны, то почему социальное государство все же так популярно? Ответ мы найдем в принципе минимума. Люди всегда ведут себя по принципу минимума, то есть стремятся получить как можно больше за минимальные действия, что с точки зрения эволюции вполне разумно. Потому-то мы постоянно ищем вспомогательные средства и методы, чтобы меньшими усилиями достичь большего результата. А это опять-таки привело к тому, что ныне благодаря технологии средний человек в большинстве стран может жить в благостостоянии, прежде доступном лишь привилегированным верхним слоям.

Коль скоро эта диспозиция справедлива и для политической власти, возникает проблема: в силу государственной монополии власти политика может обещать дотации, за которые получатели дотаций якобы ничего не платят⁴⁹. С их точки зрения это выгодно: никаких усилий и все же доход = хорошая сделка. Сюда относятся не только явные подкупы избирателей вроде обеспечения пособия на детей или свободной диспансеризации и, пожалуй, даже безусловного основного дохода, но и законодательные урегулирования, желательные для некой группы, например предписания по защите от увольнения или запрет на ядерную энергию. Все краткосрочные преимущества, модные веяния в духе времени, обещания, не требующие ничего взамен, и прочие «даровые» предложения политики пользуются спросом у большинства. Разумеется, в конечном счете кому-то приходится за все это платить, но одна из важнейших «услуг» политики как раз в том и состоит, чтобы маскировать такие взаимосвязи. Теоретически эту проблему можно решить, используя здравый смысл и убеждение, на практике же принцип минимума сильнее. Политики или правители, одобряющие сокращение услуг, рано или поздно

⁴⁹ Такой вывод Ходоров сделал еще в 1959 г., Chodorov 2012.

лишаются поддержки избирателей или заменяются другими. *Отто фон Бисмарк*, автор социального государства, вполне логично называл его «государственным социализмом». В конце жизни он подвел следующий итог:

*Возможно, когда я умру, наша политика рухнет. Но государственный социализм пробьется. Каждый, кто подхватит эту идею, придет к кормилу власти*⁵⁰.

Из этого признания и всего вышесказанного вытекает следующая, регулярная модель:

1. *Почти все люди хотят повысить свой жизненный уровень. И хотят сделать это самым простым способом.*

2. *Легчайший путь повысить свой материальный жизненный уровень – отнять что-нибудь у других.*

3. *Большинство, правда, не отваживается просто зайти в магазин, набрать товаров и уйти, не заплатив, или отобрать деньги у соседа.*

4. *Они облегчают себе задачу, поручив это третьему лицу, которое берется за дело, заявляя, что все законно, да еще и накидывает на весь процесс моральный плащик.*

5. *Поэтому люди обращаются к государству. Ибо государство – единственный институт, который может безнаказанно отобрать у других плоды их труда. Но в самом деянии ничего не меняется, отъем остается отъемом, который это же общество в иных ситуациях считает фактом кражи или грабежа («Не укради»).*

6. *Правительства и политики обслуживают такие желания, иначе их не выберут или снимут, а на их место посадят тех, кто все это сделает.*

7. *Мало-помалу все большее число общественных групп выясняет, как можно использовать власть государства в собственных целях. Государство – не экономическая активность – становится главным источником повышения жизненного уровня.*

8. *Все меньше людей заняты в секторе производства. Борьба за перераспределение становится интенсивнее, государственная задолженность растет.*

9. *В конце концов деньги у государства кончаются. Вытекающий отсюда кризис приводит к радикальным реформам, а то и к смене системы. Игра начинается сначала*⁵¹.

Означенная динамика, увы, ведет и к тому, что государство во все большем количестве областей и все интенсивнее вмешивается в частную жизнь. Ведь распределяются и нематериальные дотации, иначе говоря, регулирования в пользу желаний определенных групп. Возможность жить по собственному вкусу, а тем самым просто человеческое многообразие все больше

⁵⁰ Habermann 2013, 175.

⁵¹ Эта модель – развитие вывода Боннера, Bonner 2014, 164f.

сужается. Особенно в демократиях – но не только там – почти всякая группа пытается реализовать свои личные желания за счет всего общества, вот почему со временем *неизбежно* растут число законов, налоговое бремя и государственные долги.

II. Как можно ограничить власть?

*Тот, кто ждет от политики разумных решений, не понял, что
воля к власти сильнее любого разума.*

Роланд Баадер, экономист и публицист

Если комбинация человеческого принципа минимума и политической власти составляет проблему, можно бы, с одной стороны, попытаться изменить человека и сложившиеся в ходе эволюции модели его поведения. Такие попытки предпринимались уже не раз, особенно политикой и религией. До сих пор успеха достичь не удалось, что, впрочем, не мешает приверженцам данного варианта делать попытки снова и снова. С другой стороны, можно бы сломить политическую власть или по меньшей мере ее ограничить. Над этим более-менее успешно работают уже несколько столетий. Рассмотрим подробнее несколько таких попыток.

Проблема насилия и монополия насилия

Один из главных уроков истории гласит, что людям необходимо организоваться в некой вооруженной форме, иначе им не отразить агрессию чужих групп. В этом смысле сплочение неизбежно. В противном случае людей просто поработят. Такая судьба ожидала бы и самоопределившихся, но незащищенных анархистов, самое позднее по достижении некоторого благосостояния. По сути, именно из такой ситуации исходил *Томас Гоббс*, когда писал своего «Левиафана»⁵². Реальной борьбы «всех против всех» как естественного состояния, конечно, никогда не было и не будет. Человек – животное стадное и, как таковое, склонен объединяться в стаи. В соответствующих обстоятельствах это имеет место и ныне: даже на незаконных территориях бразильских *фавел* развиваются иерархии и кооперации⁵³.

Однако подлинная суть гоббсовского подхода заключена в том, что неорганизованному индивиду или слабой группе постоянно грозит опасность грабежа со стороны кочующих в округе более крупных или более сильных шаек. Физическая борьба за скудные блага в Гоббсовом естественном состоянии присутствует постоянно, сельское хозяйство, торговля, наука и искусства вообще не возникают. Такое состояние неудовлетворительно и как раз не обеспечивает свободы, потому что другие постоянно мешают человеку делать то, что он хочет, и даже силой отнимают плоды его труда. Альтернатива от случая к случаю объединяться с соседями в оборонительные альянсы, чтобы отразить врагов, тоже намного ненадежнее и в большинстве случаев затруднительнее, нежели создание организации более высокого порядка, которая исключительно и в обязательном для всех порядке берет на себя защиту личности, жизни и собственности.

Поэтому со временем в развитых регионах мира появился институт монополии насилия. Это учреждение, как правило, именуется полицией и имеет исключительное право пресекать применение гражданами силы для достижения собственных целей, в том числе как возмездие за бесспорно изведенную несправедливость, причем только полиции разрешено угрожать насилием или прибегать к нему. Готовым к насилию, так сказать, под угрозой насилия разь-

⁵² Гоббс (Hobbes 1970, 151): «Законы и договоры сами по себе не могут отменить состояние войны всех против всех; ведь они существуют на словах, а просто слова не могут вызвать страх, поэтому без помощи оружия они не способствуют безопасности людей».

⁵³ Wolff 2015.

ясняется, что им надлежит отказаться от применения силы для осуществления собственных целей. Ради защиты от внешних групп, готовых к применению силы и не относящихся к данному сообществу, было создано войско. Подобный порядок оказался успешным и одержал верх над другими системами. Вот почему сейчас повсюду в мире есть государства и государственные монополии насилия. Даже преступные элементы предпочитают такой порядок, поскольку тогда награбленное, украденное или добытое путем мошенничества добро не отнимут у них на ближайшем углу, опять-таки силой⁵⁴.

Тем не менее во многих местах мира люди не могут жить в безопасности. Когда надо, полиции на месте нет, она вообще обходит иные кварталы стороной или продажна и сама является частью проблемы. Пока сами власть имущие могут жить в безопасности, у них мало стимулов предлагать другим столь же высокий уровень безопасности. Но, в сущности, все государства, не могущие обеспечить своим гражданам безопасность, суть *failed states* (*несостоятельные государства*). От подобных систем толку мало. Обязательства гражданина перед государством кончаются, если оно уже не в состоянии его защитить⁵⁵.

Политика

Гоббс очень точно подметил, что государственная монополия насилия создает мирный порядок, который в конечном счете полезен всем гражданам. Увы, он упустил из виду, что это преимущество оборачивается своей противоположностью, если государство использует свою монополию насилия, чтобы достичь целей, выходящих за рамки обеспечения мира. А именно, когда государство начинает заниматься политикой и навязывает поголовно всем политические цели, неизменно представляющие собой лишь цели определенной группы граждан. В таких системах жертвы пристрастной политики даже беззащитнее, чем в естественном состоянии. Государственная монополия насилия теперь оборачивается *против* них, и им, например, приходится терпеть, что у них отбирают значительную часть их дохода и распределяют по другим карманам, а они не смеют возражать. Однако когда государственная монополия силы становится орудием политически мотивированной пристрастности, исконная концепция утрачивает свое воздействие, и за фасадом мирного государства вновь свирепствует непрерывная – на сей раз политическая – борьба соперничающих групп⁵⁶. Политика, таким образом, превращается в неприметную гражданскую войну, чья неприметность идет оттого, что жертвы государственной пристрастности не имеют реального шанса на оборону. Достигнутый мир всего лишь кажимость и основан на эффективном подавлении отклоняющихся интересов.

Поэтому контрпродуктивно предоставлять государству власть, выходящую за рамки обеспечения внутренней и внешней безопасности. Ведь коль скоро мир установлен, единственная легитимная задача государства – заботиться о том, чтобы его жители не навязывали другим свою волю. И только для реализации этого принципа самому государству дозволено применять силу. Этот вывод отнюдь не нов, его можно найти уже у философов Джона Локка⁵⁷, Вильгельма фон Гумбольдта⁵⁸, Людвиг фон Мизеса⁵⁹ или у Людвиг Эрхарда, по мнению которого проблемы начинаются, когда государство перестает быть арбитром и само вступает в игру⁶⁰. Правда, это учение регулярно игнорируют, ибо очень уж привлекательно позволить политике решать проблемы. Но политика, по сути, означает – навязывать всем прочим свой взгляд на

⁵⁴ Puster 2017.

⁵⁵ Справедливо отмечено Гоббсом, Hobbes 1970, 126.

⁵⁶ Puster 2017.

⁵⁷ Locke 1974.

⁵⁸ Humboldt 1991.

⁵⁹ Mises 2006.

⁶⁰ Erhard 1957, 134f.

мир. А люди-то разные. Что верно для одного, неверно для другого. Субъективно разные представления о ценностях и объективно иные жизненные обстоятельства ведут к тому, что при любом «политическом разрешении» ситуаций остаются люди, которых к чему-то принудили против их воли. Делать политику значит стать на чью-то сторону и сделать желания нескольких масштабом для всех, причем – нельзя забывать! – в случае чего и силой. Разве такое может быть легитимным?

Общественный договор

По *Гоббсу*, граждане делегировали государству столь обширные властные полномочия, чтобы иметь возможность жить в безопасности⁶¹. Позднее *Локк* и, прежде всего, *Руссо* дополнили эту позицию принципом общественного договора, где речь шла о добровольном соглашении участвующих сторон, сравнимом с гражданско-правовым договором⁶². Он должен иметь место между гражданами и государством. Или, по крайней мере, граждане должны заключить между собой договор, согласно которому уступают часть своего суверенитета государству и принимают вытекающие отсюда последствия. Данная трактовка по-прежнему преобладает; как правило, конституция государства и вытекающий из нее порядок приравниваются к общественному договору *Руссо*. Однако у нее есть изъян, а именно: создание договора также должно происходить согласно правилам взаимности, выработанным на протяжении столетий в гражданском праве. В противном случае речь идет о чем-то другом, чему понятие договора уже не соответствует.

Согласно большинству правопорядков, уже сомнительно, что этот якобы общественный договор *за отсутствием определенности* его услуг и ответных услуг вообще можно рассматривать как договор, ведь гражданин хотя и должен платить налоги, но за что он их платит, целиком и полностью устанавливает государство. Не существует ни конкретных притязаний на ответные услуги гражданина касательно определенных услуг государства, ни возможности обжаловать использование средств⁶³. Но по гражданскому праву сделка, где нет согласия по *всем* важным пунктам, считается незаключенной, ввиду сомнения по причине недостатка соглашения⁶⁴. К примеру, многие граждане ожидают, что государство предлагает определенный уровень безопасности, определенную инфраструктуру и социальные гарантии. Знай они, что по конституционному праву таких притязаний нет или же они очень неконкретны, зато есть безусловная обязанность платить налоги, то, вероятно, задумались бы, стоит ли одобрять данную систему. Практически во всех на свете правопорядках договор, как минимум, предполагает *согласные волеизъявления*. А вправду ли граждане согласны с тем, что правительство при соответствующем парламентском большинстве может менять *все* законы включая конституцию и, например, взвинчивать до небес налоговые ставки? Пусть даже в конституции четко прописано такое право и принята она большинством. Как быть с теми, кто голосовал против? По какому праву их подчиняют конституции? Вы как гражданин могли бы не согласиться с использованием своих налогов во многих областях, а возможно, не согласны и с тем, что есть группа людей, которая без вашего согласия выносит решения об использовании средств. *Руссо* тоже признавал эту проблему. И потому он требует, чтобы общественный договор включая

⁶¹ Hobbes 1970, 156f. Гоббс тоже называл это договором.

⁶² Rousseau 1977, 17. Locke 1974, 74.

⁶³ Ср. § 3, абз. 1 Немецкого налогового законодательства (§ 3 Abs. 1 Deutsche Abgabenordnung): «Налоги – это денежные платежи, которые не являются ответной услугой за особую услугу и которые публично-правовое сообщество возлагает на всех для обеспечения дохода...»

⁶⁴ Ср. § 154, абз. 1 ГК (§ 154 Abs. 1 BGB): «Пока стороны не достигнут согласия по всем пунктам договора, по которым согласно заявлению хотя бы одной стороны должна быть достигнута договоренность, договор ввиду сомнения считается незаключенным».

механизмы его изменения *изначально* был признан действительным, только если за него проголосуют 100 % граждан, ибо он касается всех.

Отсюда без предварительной договоренности для меньшинства вытекает обязанность подчиниться выбору большинства, а с какой стати сто человек, которые желают иметь господина, вправе голосовать за десятерых, которые никакого господина не желают? Закон большинства голосов сам основан на договоренности и по крайней мере единожды предполагает единогласие⁶⁵.

Это вполне логично, однако никогда до сих пор не осуществлялось, а потому данный аспект общественного договора *Руссо*, как правило, замалчивается. А ведь именно таким изъяном и страдают все традиционные конституции. На самом деле они суть договоры за счет третьих лиц, а именно за счет тех, кто не согласился. Правовая конструкция, недопустимая в гражданском праве, поскольку отсутствует согласное волеизъявление отягощенных. По гражданскому праву практически всех государств поэтому невозможно, чтобы договаривающиеся стороны обязывали третьих лиц к некой услуге без их согласия. Вдобавок все усугубляется еще и оттого, что якобы «общественный договор» постоянно меняется исключительно одной стороной, а именно государством, причем индивид никак не может это опротестовать. В итоге и тот, кто изначально голосовал за, внезапно оказывается в совершенно другой, нежелательной для него системе.

Если две стороны в гражданской жизни заключают договор об услугах, они заранее приходят к единому мнению об объеме и стоимости услуги. Если услуга выполнена ненадлежащим образом или не выполнена вообще, клиент вправе отказаться платить вообще или же платить меньше. В период действия договора ни одна из сторон не вправе в одностороннем порядке изменить договоренную цену. А вот граждане государства, напротив, должны платить все налоги, не предъявляя четкого встречного требования. Если они недовольны, поскольку государственные услуги, например, в сфере безопасности, образования, дорожного строительства, здравоохранения и обеспечения по старости становятся все хуже, то у них нет права сократить налоги или вовсе их не платить. Государство же, напротив, может повышать налоги в любом объеме. И как раз этот постоянный отход от принципа взаимности есть одна из главных причин кризиса в том числе и демократических государств.

Правовое государство и конституция

Отними у государства право – и останется всего-навсего большая разбойничья шайка.

Аврелий Августин, епископ Гиппонский, римский философ и теолог

Если для некой группы в обществе мародерство становится образом жизни, она со временем создает правовую систему, которая его легализует, и моральный кодекс, который его прославляет.

Клод-Фредерик Бастиа, экономист и политик

Даже при фикции общественного договора едва ли приятно быть отданным на произвол непредсказуемых капризов абсолютистского суверена, обладающего монополией власти. Поэтому со временем на абсолютную власть наложили ограничения. Во-первых, как добровольные самоограничения они могли исходить от самого государя, который прекрасно понимал, что его насильственным образом устранят, если он зайдет слишком далеко. Во-вторых,

⁶⁵ Rousseau 1977, 16.

князя, сановники от религии или влиятельные семейства, а позднее и прочие сословия добились прав участия в управлении и настаивали на их соблюдении. Но как только соответствующие конститутивные права уже активно не предъявлялись, они быстро возвращались к государю. Если он сам был слаб, то терял их в пользу господствующей олигархии. Во все времена были бессильные и могущественные императоры, никогда не было только одного: чтобы власти не имел никто. При неясностях по этому поводу вспыхивали гражданские войны. Прямотаки закон природы – вакуума власти в человеческом обществе не бывает.

Поэтому мало-помалу появились зафиксированные письменно ограничения самодержавия, ссылаться на которые выгодоприобретателям впредь было легче, нежели на неформальные и устные договоренности. Из таких документов, как *Великая хартия вольностей* 1215 года и английский *Билль о правах* 1689 года, в конце концов развилось то, что мы ныне называем конституциями. Абсолютная монархия стала конституционной. По сути, и это тоже лишь осуществление принципа взаимности в форме *золотого правила*. Если все, в том числе и потентаты, будут соблюдать правила, свобода действий потентатов, конечно, сузится, но они будут и защищены от произвола тех, кто рвется к власти. Власть имущие выменивают большую, но ненадежную свободу действий на меньшую, зато более надежную. В итоге это выгодно всем, ибо теперь можно направить силы в другие производительные сферы, повышающие уровень жизни.

В результате возникло правовое государство. Любое действие властей обязано учитывать приоритет закона и законодательное ограничение, а что однозначно не запрещено, дозволено и простому подданному. Приоритет закона при этом означает, что законы стоят превыше замыслов властей, законодательное ограничение – что на всякое действие власти требуется законодательное полномочие; если последнее отсутствует, мероприятие власти противоправно.

У правового государства, правда, есть проблема, на которую *Бастиа* указывал еще в 1850 году⁶⁶: тот, кто обладает законодательной властью, может выстроить для себя любое право. Всякая группа, находящаяся у власти, может произвольно сама устанавливать себе законы, покуда она формально соблюдает предусмотренные процедуры. Но и конституционная разбойничья шайка остается разбойничьей шайкой. Чтобы решить эту проблему, в конце концов попытались ограничить подобный произвол посредством неизменяемых статей конституции и создания независимых верховных судов.

С умеренным успехом. Если закон или конституция мешают действиям правительства, их либо соответствующим образом меняют, либо толкуют. В таких случаях именно суды зачастую играют неприглядную роль, поскольку присваивают себе регулирующую компетенцию законодателя в тех областях, где вообще-то должны лишь контролировать соблюдение правил; отсюда постоянные политические схватки за посты в верховных судах. Ведь и правосудие, разумеется, отмечено субъективными позициями, и всякая статья конституции трактуется всяким судьей в зависимости от его собственных политических убеждений⁶⁷. Поэтому даже конституции фактически можно почти произвольно менять или толковать. Принятая в 1949 году Конституция Федеративной Республики Германии с момента вступления в силу подвергалась изменениям ровно 62 раза. Конституция США, которую изменить сложнее, за 200 лет претерпела всего лишь 18 изменений. Зато у судей всегда была наготове «соответствующая времени» трактовка, подчас и против дословного текста. Философ Энтони де Ясаи формулирует так:

*Конституция похожа на пояс целомудрия, ключ от которого хранит сама дама: если она не годится, найдется способ обойти ее или изменить*⁶⁸.

⁶⁶ Bastiat 1850.

⁶⁷ Об этом убедительно пишет Хаснас (Hasnas 1995): “There is no such thing as a government of law and not people.” («Не бывает господства права, а не людей».)

⁶⁸ Jasay 1997, 3.

В конце концов такая практика приведет к тому, что однажды политика вообще перестанет заботиться даже о формальном соблюдении законов – правовое государство эродирует. Возьмем Германию: вопреки действующему законодательству ЕС правительство Меркель, например, форсировало так называемое спасение Греции⁶⁹, вопреки существующим публично-правовым договорам приняло решение о выходе из атомной программы⁷⁰, вопреки конституции и законодательству ЕС открыло границы для нелегальных мигрантов из безопасных третьих государств⁷¹. В государстве это продолжается и сверху вниз: высшие чиновники в Германии сетуют, что касательно планов правительства уже простая ссылка на противоположное правовое положение воспринимается как злобная и бесчеловечная⁷². Вот почему не приходится удивляться, что организации и предприятия при таком повороте немедля требуют от администрации «гибких действий», то есть фактически – противоправных разрешений. Коль скоро это служит «благому делу» и соответственно отображается в СМИ, большинство найдется всегда. Подобная реакция имеет место даже касательно действий, открыто направленных против правопорядка, – например, предоставления «церковного убежища» или многолетней оккупации чужих домов левыми автономиями. В итоге на соблюдении законов настаивают лишь очень немногие госслужащие да отдельные суды.

Но никакое правовое государство таким манером существовать не может. Пока законы в силе, их надлежит соблюдать. Если они более не считаются подходящими, законодательный орган должен предусмотренным путем принять новые законы, которые будут применяться с момента издания, не имея обратной силы. Растущее незнание таких элементарных взаимосвязей ведет к тому, что правовое государство мало-помалу превращается в государство произвола, где существующее право применяется лишь избирательно и может быть нарушено без всяких санкций, если политическое руководство полагает это желательным. Однако это и есть произвол, как во времена абсолютизма. Коль скоро закон уже не единственное мерило действий администрации, на передний план выходят иные критерии.

Один берлинский друг, который держит в городе несколько ресторанов, рассказывает, что ему пришлось потратить немало времени и денег, чтобы получить разрешение расширить площадь ресторана. Наконец получив

⁶⁹ Нарушение клаузулы No-Bailout ст. 127 Договора о формах и методах работы Европейского союза (AEU-Vertrag).

⁷⁰ www.welt.de/politik/deutschland/article160016872/Konzernen-steht-EntschaeDIGUNG-fuer-AtomAusstieg-zu.html

⁷¹ Согласно ст. 16а, абз. 2 Конституции, тот, кто въезжает в страну из безопасного третьего государства, не имеет претензии на убежище. Все страны, соседствующие с Германией, безоговорочно считаются безопасными третьими государствами. Всякий въезд без титула на жительство противоправен. Согласно § 14 Закона о пребывании, въезд иностранца на территорию ФРГ наказуем, если он не имеет требуемого паспорта, заменяющего оный документа или титула на жительство (карается лишением свободы на срок до одного года или денежным штрафом). Однако в § 18, абз. 4 Закона о пребывании содержится исключение из положения, по которому въезжающие из соседних стран претенденты на убежище могут быть выдворены на границе: «От запрета на въезд или выдворения надлежит отказаться в случае въезда из безопасного третьего государства, коль скоро... федеральное министерство внутренних дел... сделала такое распоряжение по причинам гуманитарного характера или с целью соблюдения политических интересов Федеративной Республики Германии». Насколько нам известно, при открытии границ в сентябре 2015 года такого распоряжения министерства внутренних дел не существовало, хотя его было бы сравнительно легко сделать (Alexander 2017, 58f.), и Европейский суд недавно истолковал отход правительства ФРГ от Дублинского протокола как допустимое исключение согласно ст. 17 Дублин III. Итог: правительство более не интересуется даже соблюдение формальностей. Лучшей иллюстрацией для упадка правового государства не найти. Аналогичным образом верховный земельный суд в Кобленце констатировал в приговоре от 14.02.2017 (шифр 13UF 32/17): «Означенное лицо, конечно, совершило уголовно наказуемое деяние, въехав без разрешения на территорию Федеративной Республики. Однако в Федеративной Республике порядок, относящийся к правовому государству, в этой сфере уже примерно полтора года отменен, и нелегальный въезд на территорию ФРГ в настоящее время де-факто уже не подвергается уголовному преследованию». Бывший судья Конституционного суда ФРГ, проф. д-р д-р Удо ди Фабио (Prof. Dr. Dr. Udo di Fabio), в своем экспертном заключении по поручению Свободного государства Баварии пишет по поводу открытия границ 8 января 2016 года: «Действующее европейское право согласно Шенгену, Дублину и Евродак почти систематически более не соблюдается, соответствующие правовые предписания демонстрируют значительный дефицит исполнения». Ни пресса, ни общественность, ни ведомства, ни суды в Германии не усматривали в этом проблемы и не настаивали на соблюдении действующего права.

⁷² Из личных бесед автора.

разрешение, он обратил внимание делопроизводительницы на следующее: буквально через дорогу араб-ресторатор летом постоянно значительно расширял площадь своего заведения – явно противозаконно – за счет уличного пространства. Разве на это не нужно разрешения? Делопроизводительница закрыла дверь и сообщила: «Нам этот случай известен, но когда мы посылаем туда сотрудников, нам грозят побоями».

К сожалению, данный случай не единичный⁷³. И означает это только одно: правовое государство ныне всего лишь пустая оболочка, которая при угрозе насилия сразу же прогибается, уступает. Право применяется только к тем, кто со всем согласен, в остальном действует право сильного. Стимулы, созданные таким образом, губительны: во-первых, правонарушители все больше уверяются, что угрозой насилия добьются своего. Фактически возникший вакуум власти все больше заполняют криминальные кланы и организованная преступность. Во-вторых, законопослушное пока что население постепенно тоже придет к выводу, что быстрее достигнет своих целей, применяя сходные методы. Правовое государство, а с ним и монополия власти подходят к концу.

Права человека

На редкость счастливое время, когда можно думать то, что хочешь, и говорить, что думаешь.

Публий Корнелий Тацит, древнеримский историк

Можно ли защититься от произвольного изменения права, установив обязательные индивидуальные права? Идея неотъемлемых прав человека возникла сравнительно недавно. На протяжении тысячелетий считалось совершенно естественным, что рабы, крепостные и прочие низестоящие обладали меньшими правами, чем, например, знать и буржуазия. Вплоть до середины XX века у женщин в большинстве обществ было меньше прав, нежели у мужчин, а в обществах, основанных на *шариате*, так обстоит и поныне⁷⁴.

Если всерьез принять *золотое правило*, станет ясно, что принцип абсолютных прав, положенных каждому индивиду, имеет смысл. Ведь если я утверждаю, что мне положены определенные права, то я должен признать их и за другим человеком, иначе он тоже сможет утверждать, что ему положено больше прав, чем мне. Поэтому мирное и плодотворное компромиссное решение – признать за каждым равные права⁷⁵. Выходя за пределы чистого равенства перед законом, права человека покрывают область, которая имеет для каждого первоочередное значение, а именно физическую неприкосновенность и неприкосновенность жизни, свободу передвижения и определенную свободу действий, куда относятся, например, свобода слова и собраний, а также свобода заключения договоров. Идея заключается в том, что эти права не могут быть упразднены ни религией, ни идеологией, ни решением большинства, ни иными юридическими утверждениями и правительственными актами. Ведь последние тоже могут измениться, и даже если в единичных случаях они позитивны для индивида, при следующем правительстве ситуация может выглядеть совершенно иначе. Вот почему для всех надежнее непреложно признать определенные права за каждым человеком. Существование индивидуальных прав чело-

⁷³

www.welt.de/politik/deutschland/article154174175/Berlins-Unterwelt-ist-verloren-an-die-arabischen-Clans.html?wtmc=google.editorspick?wtmc%Dgoogle.editorspick&-google_editors_picks=true; www.bz-berlin.de/tatort/menschen-vor-gericht/erpressung-auf-dem-strassenstrich-prozess-geplatzt; www.focus.de/politik/deutschland/wedding-gewalt-und-ueberfaelle-dhl-express-setzt-zustellung-in-berliner-gewaltkiez-aus_id_6244009.html; www.achgut.com/artikel/schlaegerei-an-der-berliner-polizeischule-und-andere-kleinigkeiten

⁷⁴ В частности, женщины наследуют меньшую долю, нежели мужчины (Коран, сура 4, аяты 12 и 175; изд. 1907 г.), и не являются полноценными свидетелями (2, 282).

⁷⁵ Исключения для преступных элементов, детей, а также слабоумных вполне оправданны.

века способствует мирному и плодотворному общежитию: я предоставляю тебе твои права, а ты мне – мои. Этот вывод понятен всюду в мире; как таковой, он не зависит от культуры, хотя иные культуры (пока) от него отмахиваются. Стало быть, нет нужды превозносить сей факт ни с религиозной, ни с естественно-правовой или трансцендентной точки зрения. Незачем даже обращаться к конструкту самособственности, согласно которому я принадлежу сам себе и оттого не должен терпеть ни физических посягательств на мою персону, ни посягательств на мою жизнь и мою свободу действий. Права человека не упали с неба, люди договорились предоставить их друг другу, чтобы каждый, в какой бы системе он ни жил, обладал безопасностью и свободой действий. Соответствующие декларации, например Декларация ООН о правах человека⁷⁶ 1948 года, широко распространились после Второй мировой войны и, несмотря на отчасти отсутствующую международно-правовую обязательность, в известной степени стали всеобщим достоянием – права человека официально признали даже коммунистические системы⁷⁷. Поэтому столь велико значение отказа большинства исламских государств от этой договоренности, закрепленной в Каирской декларации 1990 года о правах человека в исламе⁷⁸, согласно которой совокупные права человека оговорены в шариате. Этот отказ обеспечивает идеологические боеприпасы для схваток меж светским и божественным порядком⁷⁹, которые ввиду избытка молодых мужчин в исламских странах явно обостряются⁸⁰.

Есть, однако, и другая проблема. Права человека в правильном понимании суть права на оборону. Они защищают каждого от посторонних физических посягательств, а равно от посягательств на его жизнь, его собственность или ключевую сферу его свободы действий. А так как повсюду в мире существуют государственные монополии власти, которые уже обязались защищать данные позиции, права человека суть в первую очередь права на самооборону от всемогущего государства. Все бы хорошо. Но, к сожалению, дело зашло слишком далеко, отчасти настолько далеко, что фактически права человека обернулись своей противоположностью. Вместо того чтобы ограничиться правами на самооборону и свободы, доброхоты сконструировали так называемые права на участие, как, например, право на труд, право на бесплатное образование, право на достойное человека существование с жильем, одеждой, медицинским обслуживанием, «удовлетворительной оплатой труда» и т. д. Здесь совершенно не учитывается, что эти права могут быть обеспечены только за счет третьих лиц и только через всемогущее государство. Они находятся в прямом конфликте с правами на самооборону.

Если я не могу позволить себе «достойное человека» жилище, значит, его должен обеспечить мне кто-то другой. Кто и в отношении кого это осуществляет и кто решает, что именно составляет достойное человека существование? Судя по всему, это может быть только государство, которое таким образом посягает на права собственности и свободу действий своих граждан. Иными словами, основные права, изначально задуманные как право на самооборону, превращаются в полномочия на вмешательство, какими государство располагает в отношении своих граждан, а они не могут или не вправе от этого защититься. Стоит ли удивляться, что существование прав на участие стало всегдашней причиной борьбы за распределение. Новейшая идея безусловного основного дохода – всего-навсего логическое следствие того, что люди полагают себя вправе жить за счет других, не оказывая взамен никакой услуги. Такой расчет,

⁷⁶ www.ohchr.org/EN/UDHR/Pages/Language.aspx?LangID=ger

⁷⁷ Ср., например, ст. 19–40 последней Конституции ГДР; www.documentarchiv.de/ddr/verfddr.html

⁷⁸ https://de.wikipedia.org/wiki/Kairoer_Erklärung_der_Menschenrechte_im_Islam

⁷⁹ Речь идет, на мой взгляд, скорее о борьбе идей/идеологий, чем о борьбе культур/цивилизаций (как считает Huntington 2006). Об этом говорит, например, тот факт, что и европейцы, выросшие в западной культуре, переходят в ислам, поскольку его авторитарное, но ясное мировоззрение явно больше им по душе. И наоборот, в арабском мире люди сознательно отходят от ислама, поскольку свободный западный образ жизни кажется им предпочтительнее.

⁸⁰ Многие конфликты мировой истории объяснимы избытком молодых мужчин, Heinsohn 2006. Комбинация претензии ислама на мировое господство (Коран 61, 9; 8, 39) с агрессивной мужской молодежью, к сожалению, особенно опасна.

конечно, не оправдывается. В конечном итоге его можно реализовать только за счет прилежных и талантливых, а потому создающих излишки, которые у них затем можно отобрать. Поэтому государству придется принуждать их к труду, чтобы обеспечить основной доход для других. В ином контексте подобные обстоятельства называют рабством. Однако же права жить за счет других не существует. Права, реализуемые за счет третьих лиц, на самом деле суть привилегии. Это ошибочный путь, ведущий к серьезным раздорам.

По-настоящему у человека есть лишь одно главное право, а именно право быть оставленным в покое, чтобы иметь возможность самому определять свою жизнь. Это право есть как право на самооборону, так и право на свободу. Все прочие права человека – либо легитимные его производные, либо нелегитимные привилегии за счет других.

Демократия

Каждый человек может публично заявить о своей заинтересованности в собственности другого и удовлетворить эту свою потребность, если, конечно, найдет доступ к правительству. Поэтому в демократии каждый становится угрозой. Следовательно, в условиях демократии жажда собственности других людей систематически растет.

Ханс-Херман Хонне, философ и критик демократии

Сколь бы различны ни были политические установки, в одном они едины: демократия – штука хорошая, для многих вообще единственная легитимная форма государства. Правда, каждый, видимо, трактует это понятие по-своему, ведь и Северная Корея называет себя демократией⁸¹. Демократия якобы означает, что допускаются разные мнения, соблюдаются права индивида, администрация связана с правом и законом, существуют права человека, – упомянем лишь эти несколько пунктов, с которыми постоянно сталкиваешься ныне в прессе.

Ничто из этого не соответствует действительности. Слово «демократия» пришло из греческого и означает просто «власть народа (населения государства)»⁸², а именно в том смысле, что решения принимает большинство имеющих право голоса представителей народа. Правильным переводом было бы, следовательно, «власть большинства». Без такой понятийной ясности не обойтись⁸³. Ведь неясность языка – свидетельство неясности мысли. Тот, кто использует слово «демократия» как синоним для всего благого, истинного и прекрасного в государстве, не в состоянии ни назвать ошибочные развития, ни противодействовать им. Власть большинства в первую очередь означает, что большинство может принимать решения и навязывать свою волю меньшинству – в принципе неограниченно, во всех аспектах жизни. Столь неограниченная демократия способна отнять у индивидов и меньшинств жизнь, собственность или свободу. Об этом свидетельствуют и казни *Сократа*⁸⁴, и изгнание американских индейцев из восточных штатов⁸⁵, и то, что бывшие собственники в многочисленных социалистических «народных демократиях» были лишены гражданских прав, а равно и события вокруг *Арабской весны*, когда грянули восстания против тамошних диктаторов. В Египте, например, согласно опро-

⁸¹ Северная Корея называет себя Корейской Народно-Демократической Республикой.

⁸² <https://de.wikipedia.org/wiki/Demokratie>

⁸³ Еще Конфуций предупреждал, что самое важное в государственности – называть вещи своими именами: «Если язык не безупречен, человек говорит не то, что думает. Если же сказано не то, о чем ты думал, останется не сделано то, что надлежит сделать».

⁸⁴ В данном случае создание большинством правового положения, согласно которому есть возможность приговорить человека к смерти за «пагубное влияние на молодежь» или «неуважение к богам». Ср. Taghizadegan 2009, 24.

⁸⁵ Переселение индейцев на территории к западу от Миссисипи было одним из ключевых пунктов предвыборной борьбы и одной из главных причин победы Джексона в 1828 году. Предвыборное обещание, что новые земли навечно останутся в собственности индейцев, позднее также не сдержали.

сам⁸⁶ подавляющее большинство респондентов высказалось за введение демократии, но и за введение шариатских законов, позволяющих забрасывать камнями нарушителей супружеской верности; 84 % даже считали, что отход от ислама надлежит карать смертью. И это тоже демократия.

Вот почему сама по себе неограниченная демократия, невзирая на то что ее сила позволяет обеспечить мирную смену власти, не есть подходящее средство гарантировать мирное и процветающее общежитие разных людей. Только («либеральное») правовое государство, гарантирующее личные и экономические свободы, не просто устанавливает власть права, но дает индивиду права, действующие и в отношении большинства, и в отношении правителей. Но либеральное правовое государство может существовать и без демократии, например в конституционной монархии. В демократии оно оказывает благотворное воздействие лишь до тех пор, пока наличествует принципиальная готовность его сохранять. Поскольку же, как указано выше, большинство может от него отступить и полностью изменить конституцию, в конечном счете никакую демократию эффективно ограничить невозможно⁸⁷. Опыт последних 200 лет показывает, что все попытки такого рода терпели неудачу.

Наши общественные устройства суть договоры за счет третьих лиц, и в демократии эта проблема проявляется особенно отчетливо. Система функционирует хорошо, пока государство ограничивается защитой жизни, свободы и имущества граждан и ни во что больше не вмешивается. Однако неизбежно возникают конфликты и кризисы, если государство, используя свою монополию власти, преследует политические цели, выходящие за пределы защиты свободы, жизни и имущества граждан. Увы, в силу принципа минимума именно такое его поведение популярно у большинства. Принципы же, согласно которым тот, кто что-либо финансирует, определяет и использование средств и каждый платит лишь за то, что заказывал, суть элементарные и разумные развития принципа взаимности. Их едва ли не институционализированная отмена в демократических системах препятствует долговременной стабильности. Потому-то демократии склонны двигаться лишь в одном направлении, а именно в направлении большей централизации, большего коллективизма и большего вмешательства во все большее число жизненных областей. Причем ориентируясь на предпочтения середнячков, которые повсюду составляют большинство. Демократия дает большинству право навязывать другим свои взгляды, хотя эти другие их не разделяют. В конечном счете «замахнуться на большую демократию» означает – политизировать все сферы жизни и все частные решения.

На свободном рынке ресурсы мало-помалу переходят к умным и умелым, от чего в итоге выигрывают все, но в демократии ничего подобного не происходит. Тот, кто платит миллионные налоги, создал сотни или даже тысячи рабочих мест, обладает ровно одним голосом. В точности как тот, кто всю жизнь кормится от государства, нигде толком не учился и не прочел ни одной книги. А так как согласно кривой нормального распределения в любом обществе больше посредственных и слабых, нежели первоклассных умельцев, в демократии эти посредственные и слабые со своей позицией одерживают верх. На рынке же они успеха не достигают, а если и достигают, то весьма ограниченного. Отсюда вывод: всякая массовая демократия, прямая ли, парламентская ли, рано или поздно неизбежно развивается в социальное государство со всеми указанными последствиями. Перераспределяющие системы, однако, уже почти не поддаются изменению, так как число тех, кому они выгодны, в итоге всегда превышает число фактических плательщиков. Финансовый крах государства в таком случае всего лишь вопрос времени.

Вдобавок те, кто принимает решения, не несут никакой ответственности за последствия своих действий. Это утверждение справедливо как для парламентской, так и для прямой демо-

⁸⁶ www.katholisches.info/2011/02/das-demokratische-egypten-fordert-todesstrafe-fur-konvertiten/

⁸⁷ Так называемые вечные клаузулы тоже сохраняются лишь до тех пор, пока суверен не издаст новую конституцию, где они уже отсутствуют.

кратии. В парламентской демократии у политика, который, принимая губительные решения, не терпит ни малейшего ущерба – ну, разве только будет снят с должности при сохранении полной пенсии, – нет стимула принимать долгосрочно разумные решения. Зато есть большой стимул покупать голоса электората за счет налогоплательщика. Высокие налоги – якобы признак развитой цивилизации. На самом же деле они скорее типичное следствие плохого хозяйствования, каковое неминуемо имеет место, когда действующие лица оперируют деньгами других людей, используют их, чтобы купить популярность и фактически ни перед кем за это не отчитываются. Политики, заявляющие, что они намерены взять на себя ответственность, впадают в самообман. Фактически они намерены принимать решения за чужой счет и в случае неудачи сами не понесут ни малейшего экономического ущерба. Что ни много ни мало означает полный «развод» власти и ответственности. Кстати, по этой причине нигде в мире нет демократически управляемых предприятий. Ни один разумный собственник не станет ставить управление предприятием в зависимость от мнения большинства сотрудников. Но в государстве такое должно функционировать? Американский философ Томас Сowell коротко констатирует:

*Едва ли можно представить себе более глупый или более опасный способ поисков решений, как отдать командные полномочия в руки людей, которые ничего не платят за свои ошибки*⁸⁸.

Прямая демократия, конечно, способна выдвинуть противовес власти политиков и партий. Ведь граждане могут решать деловые вопросы и ревизовать постановления политики. Не в пример партиям, им незачем считаться с интересами могущественных группировок. Но проблему развода власти и ответственности прямая демократия не решает. В гражданской жизни дело обстоит так: если вы ограбите других людей, то попадете в тюрьму. Если примете плохое экономическое решение, то потеряете деньги или ваше предприятие обанкротится. В прямой демократии обстоит иначе: вы можете анонимно проголосовать за референдум, который открыто ставит целью экспроприацию определенных сограждан. И вообще, в ходе плебисцита каждый может проголосовать за какую-нибудь глупую идею, которая обойдется другим в миллиарды, в том числе тем, кто голосовал против. И к ответственности никого не привлечешь.

Вдобавок в демократиях, по сути, ни одна сфера жизни не выведена за пределы политического обсуждения, а тем самым является объектом мнения большинства. Жажда общественного признания, человек в ходе эволюции развил способность на всякий случай быть с волками и по большей части сперва интуитивно ориентируется на якобы господствующее мнение⁸⁹. И только затем подключает разумные аргументы, чтобы достигнуть согласия с прежней своей картиной мира⁹⁰. Это справедливо независимо от ума и образования. В группах и умные люди – те же стадные животные, не менее других падкие до соблазна, как установил еще Густав Лебон:

Во всем, что являет собою предмет чувства, – в религии, политике, морали, симпатиях и антипатиях и т. д. – самые превосходные люди редко поднимаются над уровнем обычного индивида... Решения всеобщего интереса,

⁸⁸ <http://www.jewishworldreview.com/cols/sowell081800.asp>

⁸⁹ В каменном веке изгнание из племени фактически было смертным приговором. Без поддержки соплеменников вообще лишь особенно одаренные охотники могли в одиночку продержаться более-менее долгое время. На протяжении этого долгого исторического периода у нас предположительно и выработалось стремление непременно быть вместе со всеми. Ныне оно еще настолько сильно, что даже явно нелепые позиции находят поддержку, пока имеют большинство (ср. эксперименты Аша [Asch] с конформизмом; чем больше группа, тем больше конформизма: https://de.wikipedia.org/wiki/%20Konformitätsexperiment_von_Asch).

⁹⁰ Ср., например, Schiller/Carmel (2011) или Cherepanov/Feddersen/Sandroni (2009).

*принимаемые собранием выдающихся людей, мало чем лучше решений, какие приняло бы собрание дураков*⁹¹.

Вот почему привязка избирательного права к определенному свидетельству об образовании или квалификации проблему не смягчит, а глядишь, еще и усугубит. Ведь люди интеллигентные в силу своей фантазии восприимчивее к идеологиям, которые требуют очковтирательства.

К сожалению, во всех группах населения куда скорее находят поддержку мнения, основанные на морали и возмущении, а не позиции, возникшие на основе разумного взвешивания за и против. В большинстве люди не хотят рационального решения проблем со строгим контролем результата. Им хочется хорошо себя чувствовать и стоять на правильной стороне. Эту потребность удовлетворяет политика. А поскольку в нынешних социальных государствах (пока что) нет экзистенциальных, эмоционально будоражащих опасностей вроде войн, эпидемических болезней или голода, политикам и общественным деятелям приходится выдумывать все новые недостатки, чтобы сохранить собственные, хорошо алиментированные позиции как «голосов совести» и якобы ликвидаторов проблем⁹². Отсюда беспрестанное выявление мнимых дискриминаций, мнимой нищеты, мнимого стресса по причине увеличения производительности труда или вообще мнимой антигуманности всей системы. Отсюда и постоянно растущее число «пробелов в справедливости», которые обнаруживаются буквально повсюду. Сложившиеся много десятилетий назад и явно практичные технологии внезапно возводятся в ранг огромных опасностей. Нынешние неравенства людей вызывают прямо-таки негодование; теперь наряду с имущественным и общественным положением «неестественными» считаются еще и различия по признаку пола, этноса и таланта: это, мол, всего-навсего социальные конструкции. С такой моралистской перспективы любое реальное неравенство попросту невыносимо, даже писсуары в мужских туалетах⁹³.

Порой – большей частью после войны или кризиса – снова возникает здоровое противодействие, но этим силам зачастую удастся лишь чуть-чуть повернуть колесо вспять, а затем все опять катится в прежнем направлении. Как только накапливается некоторое благосостояние, во властные структуры опять выбирают гуманных перераспределителей. В демократии у политиков просто-напросто нет достаточных стимулов действовать разумно. Ведь они только временные менеджеры от политики, а не собственники, которые, возможно, были бы долгосрочно заинтересованы в стабильности общества⁹⁴. Они получают мандат лишь в ходе необходимо морализирующего состязания за «большую справедливость». Журналист *Роже Кёппель* пишет по этому поводу:

Ангела Меркель начала в 2003 году как сторонница рыночно-либеральных реформ. Едва не проиграв выборы из-за своей либеральности, она заметно повернула влево. Даже отменила несколько социальных реформ своего предшественника Шрёдера. Я хорошо помню ужин, когда мы спросили канцлера о ее резких поворотах. Она ответила только: «Если я стану

⁹¹ Le Bon 1982, 14f. В подтверждение он приводит еще одно доказательство: например, в Средние века и в эпоху Возрождения было достаточно много просвещенных умов, но среди них не нашлось никого, в ком разум раскрыл бы ребячливые стороны его веры и пробудил бы хоть малую толику сомнения в злобном коварстве дьявола или в необходимости сожжения ведьм (81). ...«Ужасную нелепость мифа о Боге, который за непослушание одного из своих созданий мстит чудовищными муками своего сына, веками не замечали. Такие великие умы, как Галилей, Ньютон, Лейбниц, ни на миг не задумывались о том, что можно подвергнуть сомнению правдивость подобных легенд» (104).

⁹² Schelsky 1975.

⁹³

www.focus.de/regional/berlin/frauen-urinale-fuer-berlin-senat-beschliesst-toilettenkonzept-fuer-geschlechtergerechtigkeit_id_7434820.html

⁹⁴ Cp. Norpe 2003, 433f.; он называет их администраторами.

править Германией по рецептам ваших экономических редакций, меня больше не выберут»⁹⁵.

Госпожа Меркель совершенно права. Не будешь участвовать в состязании «кто предложит ббольшую справедливость» – потеряешь политическую власть. Поэтому критерий вознаграждения для демократических избранников не общественная польза, а максимальное негодование избирателей по адресу демократического конкурента, который отстает в борьбе за устранение несправедливостей⁹⁶. Ввиду сказанного консервативные и либеральные партии в демократических системах практически *всегда* держат оборону, особенно когда выступают за меньшее вмешательство государства. Если они хотят выжить, то в конечном счете не могут не превратиться в партии перераспределения.

Если решает большинство, здравый смысл не выстоит против морали. Отсюда и интеллектуально все более слабый политический персонал: если основной критерий – мораль, нет нужды ни в профессиональном опыте, ни в специальных знаниях. Кроме того, в мирные времена в политике демократических государств не требуется измеримых результатов, достаточно *впечатления* решительных действий. Вот почему эта сфера притягивает огромное количество посредственных, но властных или даже психопатических очковтирателей. В других сферах, например в экономике или науке, они по причине нехватки способностей не имели бы больших шансов на главенство. По традиционным правилам *Макиавелли*⁹⁷, наряду с устранением внутрипартийных конкурентов важнейшее качество – способность придать грубейшим упущениям и ошибкам видимость, будто они мотивированы морально. Мораль же в свою очередь есть произвольно формируемая система договоренностей, которую могут изменить те, кто выносит решения о социальном презрении или признании, прежде всего СМИ. При этом группам, ссылающимся на популярные в данный момент моральные аспекты, перепадают дотации или особые права. В подобной системе установок каждый, кто не способен или не склонен к особым достижениям, не упустит случая посредством возмущенно-морализирующего поведения урвать должность, деньги и престиж. В придачу он еще и обеспечивает себе душевное умиротворение человека, обладающего моральным превосходством.

Разве можно ожидать, что бездари и пустомели не ухватятся за подобную возможность? Ловкие политики правят с их помощью. Если хотят остаться у власти, они должны следовать популярным в данный момент, порой противоречивым моральным идеям и по-прежнему развивать систему в духе упомянутого состязания – в направлении всеобщего равенства. В итоге мир допустимых высказываний и поступков сужается вплоть до того, что все, кто хоть в чем-то превосходит других или представляет иную точку зрения, вообще лишаются прав. Результат – якобинская диктатура политических настроений. А дальше приходит новый Наполеон.

Итак, слабости демократии очевидны; по крайней мере, для того, кто хочет видеть⁹⁸. Что здесь можно сделать? С недавних пор и в западных государствах оппозиционные граждане размышляют о создании других стимулов, например путем отнесения растраты налогов к числу уголовных преступлений или путем сокращения пенсионных прав политиков, причинивших серьезный финансовый ущерб. Правда, такое было бы возможно только через референдум или под серьезным нажимом СМИ. Ведь органы, которые ныне занимаются такими вопросами, наверняка не заинтересованы в ослаблении своих позиций. Договориться же о непредоставлении особых преимуществ *иным путем* в массовой демократии невозможно.

⁹⁵ www.weltwoche.ch/ausgaben/2015-52/artikel/editorial-ein-versuch-angela-merkel-zu-verstehen-die-weltwoche-ausgabe-522015.html

⁹⁶ Одно из главных преимуществ авторитарных систем перед демократиями состоит в том, что при обеспечении «социальных» услуг у них нет нужды в состязании «кто больше» либо такое состязание происходит лишь в ослабленной форме.

⁹⁷ Machiavelli 1978.

⁹⁸ Желаящим всерьез разобраться с критикой демократии рекомендуется начать с Taghizadegan 2009, Karsten/Beckmann 2012 и Ortner 2012, а уже затем перейти к Tocqueville 1985, Hoppe 2003 и Braunschweig 2012.

Впрочем, общественные устройства, которые уже в силу своей конструкции нарушают принцип «кто платит, тот и заказывает музыку», не имеют шансов на долговременное существование. Ведь, если решение о том, что произойдет с взносами крупных плательщиков, регулярно принимается большинством неплательщиков или малоплательщиков, плательщики в конце концов отвернутся от означенного порядка. То есть либо покинут пространственную сферу действия данной системы, либо сократят свою производительность. Ибо они прекрасно понимают: их более высокая платежеспособность доказывает, что до сих пор все их решения явно были лучше тех, какие принимали неплательщики или малоплательщики. Так почему же именно этим последним дано право распоряжаться применением средств? Ведь почти наверняка будут приняты худшие решения для общества, нежели те, какие приняли бы сами платежеспособные. В итоге система постепенно теряет производителей услуг и в итоге терпит крах в силу экономических проблем.

Можно ли вообще еще спасти демократию? Имеет смысл заглянуть в Лихтенштейн⁹⁹. Лихтенштейн отнюдь не конституционная монархия в традиционном смысле, а скорее уникальная смешанная система прямой демократии и парламентско-конституционной наследственной монархии. В 2003 году конституция подверглась значительному изменению. Мотивом стало понимание, что присущую любой демократии тенденцию к партийному господству и самообслуживанию политического класса необходимо ограничить посредством органов, обладающих релевантными собственными правами на контроль и активное участие в жизни страны и не подверженных влиянию партий. С тех пор в Лихтенштейне это прежде всего народ и князь, с законодательными инициативами могут выступать и общины. Чтобы избежать опасности безграничной власти большинства в прямой демократии, лихтенштейнская система заготовила два предохранительных вентиля: во-первых, право вето князя, в том числе и касательно итогов референдумов, во-вторых, право сепарации любой отдельной общины. Злоупотреблению правом вето со стороны князя в свою очередь препятствует предоставляемая населению возможность выразить ему вотум недоверия и даже вообще упразднить монархию (!). В своей работе «Государство в третьем тысячелетии» князь Ханс-Адам II указывает, что для подобной конструкции монархия не требуется. Избранный прямыми общенародными выборами президент может выполнять ту же задачу, что и князь Лихтенштейна¹⁰⁰. Актуальная конституция Лихтенштейна, во всяком случае, одна из самых новаторских в мире, что касается ограничения власти в демократии, а именно этот пункт решает все.

Лихтенштейн действительно единственная страна на свете, которая по конституции позволяет своим общинам отложиться, а тем самым дает им право на самоопределение. Собственно говоря, это исконно демократический процесс. Большинство некоего региона путем референдума решает стать независимым или присоединиться к другому сообществу. Это право народов на самоопределение записано также и в Уставе ООН¹⁰¹. Конечно, его применение стало бы для политики огромным фактором ограничения ее власти, поэтому она ссылается на «неприкосновенность границ» и просто игнорирует право на самоопределение. Будь сепарации допустимы вплоть до уровня общин, как в Лихтенштейне, у правительства был бы стимул изначально уделять больше внимания интересам регионов. Ханс-Адам II признал, что гарантия права на самоопределение, а тем самым и на сепарацию может в силу конкуренции повысить качество государственных действий точно так же, как это происходит на рынке производства и услуг. Государствам придется тогда мирно конкурировать друг с другом, чтобы предоставлять своим клиентам наилучший сервис за наименьшую цену¹⁰². Ханс-Адам II, дословно:

⁹⁹ Gebel 2013.

¹⁰⁰ Liechtenstein 2010, 169.

¹⁰¹ Статьи 1, 2 и 55 Устава ООН от 26.06.1945.

¹⁰² Liechtenstein 2010, 166.

Превращение государства из полубога в предприятие обслуживания будет возможно, только если перейти от представительной демократии к прямой и посредством права на самоопределение на уровне общин сломать монополию государства¹⁰³.

В Германии при таком же правовом статусе, вероятно, не только эксклав Бюзинген¹⁰⁴, но и различные южнонемецкие общины давно бы присоединились к Швейцарии. Это в свою очередь заставило бы политику быть намного осторожнее в собственных мероприятиях, ибо в противном случае и впредь грозила бы утрата территории государства и его граждан (= власти).

Вторая возможность реформы демократии – продолжить традицию греческих городов-государств (ср. гл. 9). Согласно этой традиции, правом голоса обладают лишь те, кто может сам себя содержать и готов защищать сообщество: они буквально имеют skin in the game (шкурный интерес).

Альтернативно можно соединить права собственности с правами голоса, а прямую демократию оформить лишь как право вето (ср. гл. 11).

Все варианты, впрочем, предполагают децентрализацию власти и обозримость сообщества. Это подводит нас к следующей теме.

Малость и субсидиарность

В обществе малых государств не исчезают ни война, ни преступность; они просто сокращаются до приемлемых величин. Вместо того чтобы безнадежно пытаться раздуть ограниченные способности человека до величины, которая может совладать с чудовищным, надо сократить чудовищное до величины, с которой сумеют совладать даже ограниченные способности человека. В миниатюре проблемы теряют свой ужас и значение; это максимум, к какому может стремиться общество.

Леопольд Кор, философ малости

Чем больше и анонимнее общество, тем скорее вокруг центра образуется непомерно раздутый штат политиков, чиновников и лоббистов и тем скорее возникает стимул лично эксплуатировать незнакомых людей и принимать оторванные от жизни решения. Подлинная субсидиарность означает, что большинство решений принимается на уровне общин¹⁰⁵. Люди знакомы друг с другом и могут непосредственно наблюдать результаты своих действий. Происходит социальный контроль¹⁰⁶.

Вероятно, поэтому один из важнейших факторов успеха Швейцарии – самоопределение общин с их широкими полномочиями¹⁰⁷. Вкупе с соревнующимися между собой кантонами

¹⁰³ Liechtenstein 2010, 196.

¹⁰⁴ https://de.wikipedia.org/wiki/Büsingen_am_Hochrhein: «В 1918 году был проведен референдум, в результате которого 96 % бюзингенских граждан высказались за присоединение своей деревни к Швейцарии. Но до этого не дошло, так как Швейцария не могла предложить взамен подходящей территории. И Бюзинген остался в Германской империи. Последний раз шанс войти в состав Швейцарии представился бюзингенцам в 1956 году. Поначалу тогдашние переговоры развивались успешно, однако округ Констанц настоял на оставлении Бюзингена в составе Германии». Желание самих бюзингенцев, очевидно, не играет для немецкого государства важной роли.

¹⁰⁵ Принцип субсидиарности означает, что решение задач и проблем по возможности берет на себя гоавным образом одиночка, минимальная группа или низший уровень той или иной организационной формы. Только когда это связано со значительными препятствиями и проблемами или когда очевидна выгода сотрудничества и оно находит всеобщее одобрение, субсидиарно (то есть в поддержку) должны постепенно подключаться более крупные группы, общественные коллективы или более высокие уровни организации.

¹⁰⁶ Liechtenstein 2010, 11–23.

¹⁰⁷ По Роберту Нефу, это одна из предпосылок функционирования прямой демократии в Швейцарии, Nef 2015, 321ff.

они оттесняют на задний план широкомасштабные централистские замыслы политики. Такое самоопределение на локальном и региональном уровне есть предположительно один из самых недооцененных рецептов успеха Конфедерации. Швейцарец *Адольф Гассер* обнаружил это еще незадолго до Второй мировой войны. Он заметил, что централизм снова и снова приводит к катастрофе, и предложил для создания на континенте нового порядка предоставить всем общинам Европы полное право регулировать собственные дела. Он пишет:

Только в обозримом, связанном с жизнью сообществе нормальный гражданин способен приобрести то, что обыкновенно называют политическим глазомером, смыслом человеческих пропорций. Только здесь он в будничных разговорах научится более-менее понимать оправданные претензии своих инакомыслящих и инакозаинтересованных соседей и считаться с ними; только здесь на почве свободы разовьется тот минимум общности, что способен эффективно ограничить склонность к авторитаризму и к анархии. В этом смысле малые автономные пространства суть незаменимые гражданские школы, без которых именно свободно-демократическое государство неизбежно погибнет на корню¹⁰⁸.

Такие идеи, конечно, не находили и не находят в «большой политике» ни малейшего отклика. И неудивительно, ведь это вполне в духе структуры стимулов. Представьте себе, что вы политик и должны сделать выбор между:

Системой А: крупным, мощным образованием, которое имеет гигантский бюджет и руководители которого известны и уважаемы во всем мире; даже подчиненные позиции располагают значительной властью, влиянием и признанием; у вас как политика есть шанс однажды войти в эту систему.

Системой В: лоскутным одеялом из мелких и средних единиц, хотя кое-кто из правителей известен и надрегионально; они объединены в своего рода союз государств, управляемый циклически меняющимся президентом, чьи компетенции весьма ограничены; в совокупности существует лишь немного высокооплачиваемых и влиятельных должностей.

По своекорыстным мотивам выбор политики и поддерживающих ее творцов общественного мнения *всегда* падет на систему А, причем за благозвучными обоснованиями далеко ходить не надо: ведь «перед нами большие задачи», «нужно строить будущее», лишь крупные единицы «справятся с вызовами нашей эпохи», только так мы «экономически выстоим против XYZ» и т. д. Поэтому и в Швейцарии, надо полагать, большинство более-менее важных правительственных чиновников – в противоположность большинству населения – поддерживает вступление в ЕС¹⁰⁹: там маячит целая вселенная новых, хорошо оплачиваемых и интересных постов, далеких от контроля граждан. В реальном же мире именно такие малые страны, как *Сингапур*, *Исландия* или *Лихтенштейн*, сумели обеспечить себе не только мирную жизнь, но и куда более высокий доход на душу населения, нежели крупные государства. Причем при стабильных государственных финансах и незначительной преступности. Стоит задуматься и еще об одном аспекте. Во всем мире существует лишь горстка предприятий, имеющих более миллиона сотрудников, и лишь одно, где их более двух миллионов¹¹⁰. Поскольку это результаты

¹⁰⁸ Gasser 1983, 463.

¹⁰⁹ Судя по рассказам швейцарских коллег.

¹¹⁰ Сеть супермаркетов «Уолмарт» с ее 2,3 млн сотрудников является в настоящее время крупнейшим предприятием в мире.

незапланированного и, так сказать, естественного развития, кое-что говорит за то, что начиная с определенного объема плюсы большой величины автоматически оборачиваются недостатками. Данное наблюдение противоречит также тезису, что на свободном рынке по причине имманентных ему тенденций монополизации в итоге останется одно-единственное предприятие. Слишком крупные образования в определенный момент становятся неуправляемыми и прибыли исчезают в организационном механизме, даже у монополистов.

Государства, при всем их отличии от ориентированных на прибыль предприятий, суть тоже крупные организации с неким деловым механизмом, так что в принципе это наблюдение, пожалуй, справедливо и для них. Происшедший в свое время распад Римской империи и принцип субсидиарности, согласно которому подчиненные единицы должны сами решать все вопросы, с какими могут справиться самостоятельно, можно опять-таки вывести из этого опыта, как и равномерное расщепление меннонитских поселений, когда их население превышает 150 человек.

Однако важнейшие преимущества крупных государств автономные общины вполне могут сохранить. Для общей обороны, для создания общей правовой и таможенной территории они могут объединяться в союзы. И не каждая единица должна быть полностью независимым государством. Суверенные малые государства в определенных сферах могут примкнуть к более крупным сообществам, как, например, Монако образует таможенный союз с Францией, а Лихтенштейн является членом *европейского экономического пространства*. Малость государства не означает автоматически закрытости или провинциального мышления, но в любом случае – самоуправление и субсидиарность. А это открывает возможности, которые в других местах отсутствуют.

Примерно в 1400 году Китай располагал самыми лучшими в мире, самыми большими и самыми мореходными кораблями. Огромные флотилии ходили под парусами в Индонезию, Индию, Аравию и вплоть до восточного побережья Африки. Еще немного – и китайцы обогнули бы мыс Доброй Надежды, поднялись бы вдоль западного побережья Африки и в конце концов открыли бы морской путь в Европу. Но тут случилось нечто роковое: китайский император, пришедший к власти в 1432 году, считал мореплавание разбазариванием денег. Под страхом наказания он запретил постройку мореходных судов и приказал снести соответствующие верфи. Даже записи прежних морских экспедиций были уничтожены. Из-за решения одиночки китайская традиция мореходства пропала на столетия¹¹¹.

Напротив, Европа в те времена была разделена примерно на две тысячи государственных территорий. И начиная с 1484 года генуэзец Колумб обивал пороги европейских суверенов, просил дать ему флот, с которым он мог бы первым пересечь Атлантический океан. Просил в Италии, Франции, Португалии и Испании, и только при второй попытке в 1492 году испанский королевский дом согласился выделить ему три маленьких корабля. В Европе была попросту невозможна ситуация, когда бы один-единственный болван, царствуя над всем континентом, мог ликвидировать целую технологию.

Поэтому нам не мешало бы поразмыслить, не лучше ли был бы мир из тысячи Лихтенштейнов. Большинство решений принималось бы на локальном уровне и децентрализованно, кардинальные ошибки имели бы ограниченные последствия, существовало бы множество наглядных примеров, что функционирует, а что нет. Уже в силу многочисленности сообществ существовала бы плодотворная конкурентная борьба за «клиента», а не картель государств, который, с одной стороны, старается максимально выдоить граждан, с другой же

¹¹¹ Ferguson 2011, 72.

– отлучить их от всех решений. Рецепт успеха Европы всегда было как раз многообразие и связанная с ним конкуренция. Это отнюдь не обязательно слабость. Даже города-государства вроде Венеции и Генуи, а также скорее маргинальные по величине государства вроде Португалии и Нидерландов в пору своего расцвета сумели достичь огромной политической и экономической мощи.

Создание вышестоящих институтов, например общей зоны свободной торговли или экономики либо общей оборонительной системы, возможно всегда, а при сущностном родстве сообществ прямо-таки напрашивается. Вспомним, к примеру, Ганзейский союз или Германский союз, объединявший 39 суверенных государств и содержавший общие политические и военные институты. Чем меньше государства, тем меньше угроза, что одно-единственное государство или их группа будут слишком доминировать. Малые государства не ведут мировых войн. Только великие державы вызывают огромные катастрофы.

По сравнению с Германией маленький Лихтенштейн – яркий пример прочности, или антихрупкости, системы. Антихрупкая система отличается меньшей оперативностью, зато стабильна на значительно более долгий срок, а потому более успешна¹¹². Ее противоположность – хрупкие системы, которые несколько времени выглядят хорошо, а затем через регулярные промежутки времени переживают катастрофы. До 1866 года Лихтенштейн и нынешняя Германия входили в упомянутый Германский союз. Подобно тому как ныне интеллектуальный мейнстрим стремится к европейскому союзному государству, в свое время мерилом всех вещей было создание единого германского государства. Когда после сражения при Кёниггреце стало ясно, что Пруссия, отклонившая дальнейшее существование Германского союза, станет центром этого нового государства, члены Германского союза решили его распустить. Против проголосовал только Лихтенштейн¹¹³.

Что в результате произошло с Германией, общеизвестно: объединительные войны, колониализм, Первая мировая война, два миллиона собственных погибших, потеря четвертой части территории, революция, гиперинфляция, валютная реформа с потерей почти всех сбережений, нацистская диктатура, Вторая мировая война, Холокост с истреблением еврейских сограждан и их культуры, шесть с половиной миллионов собственных павших на фронтах, утрата еще трети территории, почти все города разбомблены, изгнание двенадцати миллионов немцев, раздел страны на оккупационные зоны, новая денежная реформа с потерей почти всех сбережений, социалистическая диктатура в Восточной части, тамошняя революция и новая денежная реформа. В совокупности ровно четыре краха системы с 1870 года. А в Лихтенштейне ни одного.

Ныне княжество Лихтенштейн имеет куда более высокий доход на душу населения, нежели Федеративная Республика Германия, представляет собой стабильную страну без сколько-нибудь заметной преступности и без государственного долга. Все это достигнуто без войн, без революций и без присоединения к крупному и мощному сообществу.

Конкуренция

Жизнь наказет того, кто не желает понять, что лучшие давно выбирают себе страны проживания как хороших работодателей.

Гуннар Хайнсон, экономист и социолог

Больше малости и многообразия означает больше конкуренции, даже когда среди установившихся крупных государств возникают лишь считанные новые системы. Уже сам этот факт

¹¹² Taleb 2013.

¹¹³ Ср. протоколы Собраний Германского союза за 1866 год: <https://books.google.de/books?id=s-NLAAAACAAJ&printsec=frontcover&hl=de#v=onepage&q&f=false>

действует как ограничение власти. Приведу пример, как на государственном уровне может функционировать контроль через конкуренцию.

Княжество Монако – конституционная монархия, не предусматривающая для немонегасков, составляющих ни много ни мало 80 % населения, никаких прав участия в управлении. Тем не менее людей, желающих жить в Монако, куда больше, чем может вместить маленький рынок жилья, так что новые территории отвоевываются у моря. Почему? Монако предоставляет безопасность от преступлений, широкую налоговую свободу, обзримые правила и хороший климат. Словом, Монако привлекательно и оставляет своих жителей в покое. В тот день, когда в Монако будут введены все предписания ЕС включая подоходные налоги, деловая модель Монако канет в Лету. Большинство тогда просто уедет. Князь это понимает, а потому этого не случится. Несмотря на его формально значительную властную позицию, свободу жителям обеспечивает исключительно конкуренция с другими местами, а не парламент, конституция или право на референдумы.

Вдобавок чем меньше государства, тем проще сменить систему. Общественный строй, с которым можно распрощаться, только преодолев тысячи километров, заметно отличается от государства, которое оставляешь позади, проехав всего лишь 50 километров. В первом случае придется начинать жизнь заново, порой даже менять континент и учить новый язык. И не все друзья и родные будут тебя сопровождать. Если же альтернатива у тебя в полусутках езды, понадобится куда меньше изменений в образе жизни. Готовность поменять систему увеличится. Возросший нажим конкуренции вынудит государства повышать качество услуг. Мир, состоящий из сотен, тысяч, а то и десятков тысяч государств (или сообществ самого разного типа) предоставил бы каждому человеку широкий выбор возможностей формировать свою жизнь согласно собственным предпочтениям и склонностям.

Напротив, дальнейшая централизация вплоть до создания мирового правительства означала бы, что возможности выбора для отдельного человека станут нулевыми. Мы имели бы монополию максимально всемогущего государства, идеального *левиафана*. Оно бы осуществляло тотальную властную и регламентирующую монополию по отношению к совокупному мировому населению. Иначе говоря, хваленый «единый мир» или «новый миропорядок» с единым мировым правительством означал бы, что тот, кто, к примеру, раскрыл правительственный скандал, уже никогда не сможет бежать в другую страну, как и тот, кто не желает платить назначенные налоги или соблюдать предписанные властями нормы поведения. С почти стопроцентной вероятностью мировое правительство будет использовать свою монополию власти и против воли людей, а в конечном счете злоупотреблять ею. Ведь ни разделение властей, ни правовое государство, ни права человека, ни демократия не оказались средствами, долгосрочно ограничивающими власть.

По сей день конкуренция – единственный известный человечеству постоянно действующий способ обуздать власть.

III. Как создается благосостояние?

За минувшие 50 лет бедные страны получили от богатых стран в виде помощи свыше двух триллионов долларов. Но нигде в мире эта модель не обеспечила экономического подъема. При этом нам известно, как все происходит. Мы видели, какие проекты уменьшили бедность в Китае, Индии, Южной Африке и Ботсване. Эти страны сделали

*ставку на рынок как двигатель экономического роста. Принцип западной помощи развитию, основанный на жалости и подачках, провалился.
Дамбиса Мойо, замбийский экономист*

Добровольная кооперация

Одна из главных предпосылок для создания благосостояния – возможность добровольной кооперации, которая имеет место, только если все партнеры что-то обещают себе от сотрудничества, – кооперации без своекорыстия не бывает. Но одно только своекорыстие еще не ведет к кооперации, ведь любое кооперирование есть сделка, основанная на взаимности, обмен: чтобы получить что-нибудь, нужно что-нибудь дать. Это принцип римского *do ut des*: даю, чтобы ты дал. Добровольность кооперации гарантирует, что каждой услуге соответствует ответная услуга, мало того, она гарантирует, что услуга и ответная услуга отвечают желаниям участников обмена. Тот, кто хочет произвести выгодный обмен, должен, стало быть, поинтересоваться, чего желают другие, и согласовать с этим свое предложение, иначе ему не найти партнера. Иными словами, главное здесь – *только* субъективная оценка участников, а не якобы объективная равноценность меновых товаров¹¹⁴. Добровольный обмен, таким образом, *не* игра с нулевой суммой, поскольку выигрыш одного не есть урон другого; уникальность добровольного обмена заключена скорее в том, что он обогащает всех участников согласно их представлениям. В ином случае обмен бы не состоялся.

Тот, кто утром обменивает у пекаря монету на булочку, в этот миг больше желает булочку, чем деньги. А вот булочник предпочитает деньги.

Данный принцип, кстати говоря, неизменно действует и в примитивном натуральном обмене, и в современной экономике с разделением труда. Действует независимо от того, что именно является предметом обмена – товары, деньги или трудовая услуга.

Но можно ли говорить о добровольной кооперации и когда один из участников обмена находится в крайней нужде, а другой нет? Да, как раз можно. Быть свободным не значит быть здоровым, состоятельным и счастливым. Быть свободным значит – не зависеть в своих действиях от воли третьих лиц в силу человеческой принужденности. Так что экономическая нужда, коль скоро она не восходит к применению силы, не является ограничением свободы. Тот, кто просто от нищеты, то есть без воздействия насилия или угроз третьих лиц, продает свою собственность или свою рабочую силу по очень низкой цене, совершенно недвусмысленно показывает, что он и в нужде предпочитает кооперацию некооперации. Он полагает, что нищенский заработок лучше, чем вообще никакого, что маленькая выручка от продажи лучше, чем вообще никакой. Так стоит ли видеть в человеке злоумышленника только потому, что он предлагает желаемую или даже срочно необходимую кооперацию? Ведь все мы всегда одинаково отзывчиво готовы помочь – так почему же именно тот, кто предлагает себя в партнеры по кооперации ищущему помощи, обязан помогать больше, чем мы? Чтобы критиковать предпринимателя, который платит в бедных странах низкую заработную плату, за эгоистическую жажду наживы, а одновременно самому не жертвовать тамошним работникам ни гроша, политике не обойтись без двойной морали. Человеку, полагающему чрезмерным для себя моральным требованием хоть немного смягчить нужду совершенно незнакомых ему людей, не мешает распространить это соображение и на тех, кто в обусловленных нуждой обменах выступает как экономически сильный партнер¹¹⁵.

¹¹⁴ Поэтому не бывает ни объективно «правильных», ни «честных» цен. Стоимость экономических продуктов заключена лишь в субъективной оценке их полезности со стороны потенциальных покупателей. Таков один из основных тезисов экономики. Тот, кто его игнорирует, будет неизменно приходить к неверным выводам.

¹¹⁵ Puster 2010.

Собственность

Дай человеку право собственности на убогую скалу, и он превратит ее в сад; предоставь ему девятилетнюю аренду на чужой сад, и он превратит его в пустыню. Магия собственности превращает песок в золото.

Артур Янг, ученый-агроном

Допущение частной собственности, в том числе на средства производства, оказалось обязательным для сохранения мирного и процветающего общества. Там, где нет частной собственности или же трудно, а то и почти невозможно приобрести таковую, общее благосостояние невозможно. Почему?

Частная собственность – единственная сила, какую индивид может противопоставить власти государства, и основа всякой индивидуальной и ненасильственной жизненной деятельности. Связанные с этим право распоряжаться и ответственность способствуют раскрытию собственной личности, обеспечению собственного существования и независимости, а также созданию и сохранению семьи. Облагораживание и расширение собственности вселяют гордость и удовлетворение. И, наконец, собственность позволяет свободно высказывать свое мнение или поддерживать политические цели других, поскольку ты не зависишь от государственной или иной алиментации.

Кроме того, только собственность делает возможным экономический строй, зиждущийся на кооперации и соответственных меновых действиях, то есть рыночную экономику. При чем институт частной собственности гарантирует, что собственники могут независимо друг от друга принимать многочисленные решения о предложении товаров и услуг, а также о соответствующих расходах. Эти решения множества актеров в малой своей части будут очень удачными, в большинстве же – посредственными, а частично и в корне неверными, со всеми вытекающими отсюда последствиями для партнеров. Лучшие решения найдут подражателей, а те, кто снова и снова принимает неверные решения, потеряют свою собственность в пользу тех, кто принимает более удачные решения. Поскольку человек отвечает за свои действия своей же собственностью, у него есть стимул принимать решения осмотрительно. Со временем качество их улучшается, на благо всего общества в целом. А вот если бы правами собственности обладала лишь центральная инстанция, ее неверные решения возымели бы губительные последствия для всех.

С этим связано и право передавать собственность по наследству. В противном случае частный собственник будет склонен скорее израсходовать свой капитал, нежели стремиться сохранить его и передать наследникам. В особенности это относится к семейным предприятиям, которые зачастую отмечены высокой этикой труда и ответственности и полное формирование которых обычно продолжается несколько поколений.

Разумеется, то же относится и к собственности на землю. Существование частной земельной собственности, как правило, приводит к лучшему использованию. И тот факт, что земельные площади на планете, естественно, ограничены и конечны, ничего здесь не меняет. В принципе это касается совокупных сырьевых ресурсов, а тем самым и всех товаров, какие могут быть произведены. Они ведь и цену *вообще* имеют потому только, что ограничены. Стало быть, земля такой же ограниченный товар, как и другие ограниченные товары, и оттого не занимает особого места.

В принципе положительное воздействие частной собственности не меняется и оттого, что в прошлом лица, приближенные к властям предрежащим, сомнительными способами захватывали большие земельные территории, например в Южной Америке в XIX и XX веках или в России после 1990 года. В таких случаях у государства есть по меньшей мере возможность

облегчить желаемое, но до тех пор не осуществимое приобретение собственности (например, русскими крестьянами), предоставляя заинтересованным сторонам доступ к выгодным кредитам или выделяя им землю, находящуюся в собственности государства.

Конечно, сельскохозяйственные территории не настолько ограничены, что они по карману лишь богачам. В густонаселенной Германии гектар плодородной пахотной земли (10 000 м²) можно купить в среднем за 24 000 евро, что соответствует цене нового автомобиля среднего класса. В Румынии такой же участок можно приобрести за одну десятую этой цены¹¹⁶.

С помощью арендных моделей или наследственных и отчуждаемых прав пользования, когда собственность на землю остается у государства, экономически можно достичь вполне сходных результатов. Однако же как раз у аренды есть свои недостатки. Арендованная на 99 лет земля на первых порах почти собственность, но самое позднее внуки или правнуки уже столкнутся с проблемой. Сравнимая ситуация наблюдается, например, в Гонконге и Сингапуре, где становится все труднее получить от банков долгосрочные кредиты под строительные проекты на достаточно давно арендованной земле, поскольку неясно, что произойдет по истечении 99 лет.

Нелимитированное во времени, наследственное и отчуждаемое право пользования, напротив, представляет собой сходную с собственностью позицию и фактически равнозначно собственности на землю, во всяком случае до тех пор, пока собственник (как правило, государство) не может произвольно снова его отнять. Возможным и разумным условием подобного права пользования было бы, например, действительное использование земли для согласованных целей.

Право приобретать собственность или права пользования, впрочем, во многом не имеет ценности, коль скоро приобретение сопряжено с бесконечными бюрократическими рогатками, преодолеть которые способна лишь малая часть населения. Во многих развивающихся странах это один из главных институциональных барьеров¹¹⁷. Право собственности опять-таки обесценивается, если полномочие распоряжаться настолько ограничено по закону или в силу высокого налогообложения, что свободно пользоваться собственностью уже невозможно. Данные ограничения обычно суть результат негласного коллективистского подхода, согласно которому собственность индивида вообще-то принадлежит сообществу и делегирована индивиду лишь по причинам целесообразности. Подобная ограниченная частная собственность, однако, во многом обесценена, а тем самым утрачивает и свою миротворческую и способствующую благосостоянию функцию.

Допустим, вы собственник полностью выплаченного дома, где сами и живете. Но вы не вправе перестроить этот дом по своему усмотрению и даже внутри его должны соблюдать множество строительных норм. И самостоятельно решить, какое энергоснабжение для вас предпочтительно, вы тоже не вправе, поскольку у правительства на сей счет свое вполне определенное мнение. Наконец, до истечения определенного срока вы не вправе продать свой дом третьему лицу, не уплатив специальных налогов. Если вы продаете дом, местная община имеет право преимущественной покупки. Далее, вы обязаны платить государству налоги просто за тот факт, что дом принадлежит вам. Вдобавок у государства есть возможность записать на ваш земельный участок принудительную ипотеку, чтобы достигнуть определенных целей (компенсация гражданам военного ущерба, компенсация

¹¹⁶ <https://www.agrarheute.com/management/betriebsfuehrung/bodenpreise-eu-so-viel-kostet-hektar-laendern-544084>

¹¹⁷ de Soto 2002, 174ff.

инфляции). Если вы не уплатите другие налоги, каковые государство может потребовать от вас в любом виде и объеме, на ваш дом будет наложен арест, и его принудительно продадут с молотка. Если вы хотите передать его в наследство, налоги на наследство столь высоки, что вашим детям скорее всего придется продать дом. Ну так как – дом действительно принадлежит вам?

Цена как главная управляющая величина

*Это ничего не стоит, ведь за это платит государство.
Франсуа Олланд, президент-социалист*

Не каждому удастся всегда найти желательного партнера по обмену на желательных условиях. По сравнению с наличными пожеланиями количество всех товаров ограничено. Вот почему, пока где-нибудь в мире не исполнены какие-либо исполнимые желания, мы не остаемся без работы. Оттого-то человек, приняв в расчет свою меновую или платежную способность, должен решать, какой продукт ему важнее в тот или иной момент. В свободной рыночной экономике такое решение можно принять на основании цен, образующихся на рынке. Для этого необходимо, чтобы существовала частная собственность на товары, ибо только так из суммы различных интересов можно вывести цены, отражающие подлинные ситуации ограниченности и предпочтения. Без рыночных цен никакой предприниматель не сумеет минимизировать затраты и получить доход. По этой же причине плановые экономики вообще и коммунизм или социализм в частности всегда терпят неудачу. Ведь планово-экономическое объединение всех средств производства в руках государства исключает свободное ценообразование, а именно оно представляет собой незаменимую систему информации об относительной ограниченности данных ресурсов. То же относится и к установлению максимальных и минимальных цен. Если на основе подлинных, образованных на рынке ограниченных цен можно с помощью расчета эффективности определить большую и меньшую экономичность использования ресурсов, то регулируемая экономика с ее произвольно назначенными ценами систематически бродит в потемках. Иначе говоря, она не может избежать постоянного ошибочного распределения и разбазаривания ресурсов. Коль скоро этого не изменить, даже если все актеры при социализме будут прилежными и искусными идеалистами, его способ хозяйствования с необходимостью обречен на провал. Социализм или коммунизм оказываются несостоятельными не в силу сложности практической реализации проекта, который сам по себе правилен, и не в силу человеческого эгоизма – они ошибочны уже на чисто теоретическом уровне¹¹⁸. У них нет пригодного индикатора ограниченности. Массовое использование неверных стимулов посредством наказания предпринимательского успеха и вознаграждения бездарных и нерадивых (лишь бы образ мыслей был правильным) только ускоряют неизбежный провал.

К сожалению, принцип минимума обеспечивает социалистическим идеям стойкую популярность. В Венесуэле как раз провалился 84-й с 1917 года эксперимент воплотить социализм в жизнь¹¹⁹. 85-й эксперимент – всего лишь вопрос времени. Желательно, чтобы на сей раз он ограничился добровольцами или чтобы у тех, кто не хочет в нем участвовать, была альтернатива.

¹¹⁸ Людвиг фон Мизес уже в 1932 году убедительно доказал неосуществимость плановой социалистической экономики по причине ценовой проблемы, что в свое время вызвало публичные дискуссии (Mises 2007, 110–115). Никакого влияния на политику это не возымело.

¹¹⁹ Согласно Википедии, за это период 61 государство именovalo себя социалистическим; если суммировать все режимы, которые после 1917 года ввиду широкомасштабной национализации экономики и/или ввиду земельных реформ и соответствующей идеологии можно назвать социалистическими/коммунистическими, то их будет минимум 84 и максимум 116. https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_socialist_states

Возможности повысить уровень жизни

Принимая на веру, что экономисты обладают знаниями и властью формировать общественные процессы совершенно по нашему усмотрению, а такими знаниями мы на деле не располагаем, мы только принесем вред.

Фридрих Август фон Хайек, экономист и философ

Если социализм не функционирует, то как же тогда индивиду, особенно бедному и необразованному, повысить свой уровень жизни? Ответ все тот же: через добровольную кооперацию. Происходит это следующим образом.

1. Тот, кто хочет сам обеспечивать себе средства к жизни, должен производить и предлагать товары или услуги, за которые другие готовы добровольно что-то заплатить. Это включает и собственную рабочую силу.

2. Тот, кто хочет дополнительно повысить свой уровень жизни, должен либо работать больше или продуктивнее, либо откладывать часть своих доходов или же брать деньги в долг. Этот капитал он может затем вложить в станки, в повышение собственной квалификации или в чужие предприятия, чтобы таким образом предлагались новые продукты и услуги, опять же имеющие спрос у других.

3. Это всё.

Все прочие возможности повысить материальный уровень своей жизни, за исключением попрошайничества или азартных игр, требуют принуждения по отношению к третьим лицам и реализуются за их счет, то есть являются игрой с нулевой суммой или даже уничтожают ценности. Последнее в особенности касается таких идей, как управление денежными массами, манипулирование процентами, основанное на долгах увеличение спроса, интервенционизм или перераспределение. Ни один из этих способов изначально не может создать ценностей. Но это не означает, что они недействительны, напротив, возможно, они даже необходимы, чтобы получить политическую власть. Однако своим вмешательством в ценовой механизм и в принцип добровольной кооперации они в конечном счете больше разрушают благосостояние, нежели умножают его¹²⁰. Государственные вмешательства в рынки всегда сопряжены с принуждением. Они зиждутся на решениях, за чью экономическую ошибочность те, кто эти решения принимает, никогда не отвечают, и оперируют знаниями, превосходство которых хотя и утверждают, но доказать ничем не могут. Кроме того, подобные вмешательства влияют на системы человеческих стимулов таким образом, что возникают почти исключительно нежелательные и непредусмотренные побочные последствия.

Возьмем, например, манипуляции центральных банков со снижением процентных ставок. Это должно бы стимулировать предприятия брать кредиты под выгодные процентные ставки, закупать на них инвестиционный товар, больше производить и нанимать больше работников, что опять-таки повысит спрос на прочие товары. И некоторое время, вероятно, так и будет, но заниженные процентные ставки вводят предприятия в соблазн

¹²⁰ Профессиональные экономисты, конечно, будут это оспаривать, и тем не менее так оно и есть. Тот, кто знает и понимает субъективную теорию стоимости, преимущества в сравнительных издержках производства и эффект Кантильона, уже располагает лучшей теоретической подготовкой, чем большинство выпускников научно-экономических факультетов. В этом плане полезно прочитать Taghizadegan 2011.

инвестировать в, по сути, нерентабельные сферы, а убыточные предприятия, которые должны бы обанкротиться, благодаря дешевым ссудам остаются на плаву. В результате разбазариваются ресурсы, которых недостает там, где реально существует большой спрос. Когда позднее процентные ставки вновь повышаются, неминуемо наступает расплата – банкротства множества фирм, и банкротств этих куда больше, чем их было бы без подобных процентных вмешательств. Еще одно побочное воздействие – рентабельные вклады вроде государственных займов и страховых жизни внезапно почти перестают приносить прибыль, и обеспечение по старости для многих людей оказывается под угрозой. В силу дешевизны кредитов каждый, кто может предъявить гарантии, инвестирует в недвижимость, что резко поднимает ее в цене. Следствие: особенно молодым людям и людям со средним достатком собственное жилье уже не по карману, а тем, кто зарабатывает мало, уже не по карману постоянно растущая квартплата. Фактически вреда здесь куда больше, чем пользы. А ведь это лишь один пример из несчетных других «благонамеренных» государственных интервенций.

На свободном же рынке все обстоит совершенно иначе: там каждый актер может под свою ответственность свободно преследовать те или иные интересы, но и за последствия, например за провал, тоже отвечает сам. Рыночные развития, конечно, непредсказуемы, однако в силу постоянных проб и ошибок, избирательности и подражания способствуют благосостоянию всех.

Необходимость получения прибыли

Рыночная экономика есть демократия, где каждый грош дает голос на выборах. Богатство успешных дельцов есть результат плебисцита потребителей.

Людвиг фон Мизес, экономист и философ

Добровольный обмен товарами и услугами обогащает всех участников, иначе бы его не происходило. Именно благодаря ему все шире распространялось умножающее достаток разделение труда, которое идет на благо как раз и самым бедным. Выбросив из этого процесса мотив прибыли, мы выключим двигатель прогресса, который повсюду в мире помогает сдерживать голод, болезни и детскую смертность. Ведь почему человек становится пекарем или врачом? По меньшей мере отчасти потому, что верит: эти занятия обеспечат ему средства к жизни. Да, это возможно, но только если он будет получать прибыль. Упрекать пекарей или врачей в том, что они наживаются на нашем голоде и наших болезнях, фактически все равно что требовать, чтобы другие обслуживали тебя бесплатно, или желать, чтобы партнеры по кооперации отказывались от предложенных им в обмен услуг, дабы не возникла злодейка-прибыль.

Но ремесленники, лица, не работающие по найму, и предприятия сами по себе «социальны», поскольку предоставляют обществу товары и услуги, которых иначе бы не было. Долгосрочно это возможно, только если они получают прибыль. Необходимость получать прибыль в свою очередь обеспечивает оптимальное вложение средств и наилучшее использование ресурсов. Так предприятия создают нечто, чего прежде не было, а именно продукцию, услуги, рабочие места, и тем самым повышают мировой уровень жизни. Прибыль предпринимателя показывает, что он успешно превратил общественно менее высоко ценимые товары в товары, ценимые общественно более высоко, и таким образом в целом повысил и улучшил общественное благополучие. Благонамеренная, но совершенно непродуманная моральная кампания против прибыли в случае ее успеха воспрепятствует новым кооперациям и уничтожит старые,

сократит разделение труда и устроит всем нам постепенный возврат на уровень прожиточного минимума. Отсюда следует: поскольку ненасильственно реализованное стремление к прибыли способствует кооперации, разделению труда и благосостоянию, оценивать его следует положительно. Напротив, экономическая деятельность *без* стремления к прибыли неизбежно неэффективна. Ведь только получение прибыли показывает, разбазариваются ли ограниченные в целом ресурсы или же используются так, что всегда обслуживают самые неотложные потребности. В общем, это и составляет проблему государственной экономики, безразлично, идет ли речь об учреждениях образования, здравоохранения или культуры. Отсутствие стремления к прибыли, которое многие трактуют как моральный знак качества, регулярно сопряжено с неэффективным использованием ресурсов. Тот, кто не стремится к прибыли, не имеет важнейшего критерия, чтобы оценить, как и каким способом ему использовать свои средства, где вложить меньше, а где больше¹²¹.

Предприниматель

Одни считают предпринимателя шелудивым волком, которого надо убить. Другие видят в нем корову, которую можно непрерывно доить. И лишь немногие понимают, что он лошадь, везущая телегу.
Уинстон Черчилль, писатель и политик

Предприниматели и новаторы – именно им принадлежит главная роль в обществе с разделением труда, пусть они всегда и в меньшинстве. Изобретением и использованием колеса, книгопечатания и электричества мы обязаны исчезающе малому числу людей, однако же все это значительно повысило благосостояние всех. Успешные предприниматели от ремесленника до крупного производителя отличаются тем, что предлагают что-то, что клиенты хотят иметь. Только человек, думающий о том, что нужно окружающим, о чем они мечтают или что в будущем понадобится им для счастья и хорошего самочувствия, добьется успеха на свободном рынке. Ведь, не в пример государству, ни один предприниматель не может принудить людей к покупке определенных продуктов или услуг. Он должен привлекать клиентов качеством и ценой.

На деле свобода предпринимательской деятельности в большинстве государств поставлена в очень жесткие рамки – с помощью законов о труде, таможенных пошлин на импорт и экспорт, ограничений свободы заключения договоров, налагаемых минимальной заработной платой, антидискриминационными законами и т. д. Проценты и денежная масса становятся объектами манипуляций. В результате все это приводит к неверному размещению ресурсов. И общества соответственно менее зажиточны, чем могли бы быть. Всякая политика хвастает, что помогает слабым, однако посредством регламентации делает все, чтобы затруднить занятия промысловой или самостоятельной деятельностью. Стало быть, нужно создать предпосылки, облегчающие добровольную кооперацию, а значит, генерирование благосостояния на личном уровне, в том числе чтобы вообще обеспечить поле деятельности немногочисленным творцам, создающим новые вещи. Сюда относятся, например, право свободно выбирать для себя деятельность, обучение и место работы, сохранять за собой плоды своего труда, обладать частной собственностью и на средства производства, предлагать всевозможные товары и услуги и самому устанавливать на них цену. Кроме того, нужна полная свобода заключения договоров, то есть право свободно торговаться с каждым о практически любых обстоятельствах. Наконец, сюда относится установление правовой системы, которая регулирует конфликты интересов и при необходимости помогает индивиду отстоять его справедливые претензии в заранее оговоренном процессуальном порядке.

¹²¹ Данные рассуждения в основном восходят к Puster 2010.

Но предпринимательская свобода означает и предпринимательскую ответственность. Право получать прибыль включает и обязанность отвечать за убытки. Потерпевшие неудачу предприятия должны банкротиться и закрываться. Если в таких случаях приходит на помощь государство, а в конечном счете налогоплательщик, выставляются не только губительные стимулы, но и сохраняются плохие предприятия за счет более конкурентоспособных. Благотворное селекционное воздействие свободного рынка раскрыться не может. Если же государство откажется от подобного вмешательства, ресурсы капитала и труда мало-помалу вольются в области, где можно с прибылью заниматься созданием стоимости. Результат – общий рост и повышение уровня жизни.

Вопреки широко распространенному мнению, отнюдь не предприятия и не богатые предприниматели втайне властвуют над миром и политикой. Влияние экономики на политику – скорее реакция на то, что иным способом собственные интересы реализовать невозможно. При малейшем сомнении экономическая власть отступает в тень политической, ибо политики, стоящие у рычагов государственной власти, в любую минуту могут арестовать людей и бросить в тюрьму. А предприниматели не могут. Например, в Китае и в Саудовской Аравии некоторые прежде влиятельные предприниматели весьма дорого заплатили за сей урок. Да и западные правительства могут с легкостью наложить на крупные концерны серьезные штрафные санкции или разрушить их политическими мерами, как, например, табачную или угольную промышленность. Ввиду такого неравновесия неудивительно, что предприятия самыми разными способами пытаются с выгодой для себя влиять на политику. Согласно принципу минимума, они вдобавок часто используют свое политическое влияние, чтобы навредить конкурентам. Претензий на мировое господство могущественные и богатые предприниматели не имеют, иначе бы они пошли в политику.

IV. Какую роль играет религия?

Если столь бессмысленное для некоторых нечто, как религия, существует уже очень-очень долгое время, надо исходить из того, что впереди у него тоже очень-очень много времени и оно наверняка переживет тех, кто требует его упразднить.

Нассим Николас Талеб, математик и философ

Какое положение в обществе занимает или вправе занимать религия – на этот вопрос как существующие, так и новые общественные системы обязательно должны ответить. В противном случае неизбежны конфликты. Дать определение религии не очень-то просто, в особенности касательно отграничения ее от других идеологий. В целом религию трактуют как мировоззрение, основу которого составляет вера в определенные сверхъестественные силы, влияющие на жизнь людей, а кроме того, удовлетворяющие потребность в нахождении смысла жизни, моральной ориентации и объяснении мира. Если посмотреть на историю человечества, становится ясно, что спрос на подобные предложения невероятно велик. Вот почему и в будущем следует ожидать, что ориентированные на богов религии или же светские эрзац-религии будут весьма популярны. Отношение общественного строя к религии есть также и вопрос власти, от которого не уйти ни одному обществу.

Представим себе, что найдена доселе неизвестная вводная глава книги Гитлера «Майн кампф». Допустим, нет никаких сомнений в ее подлинности. В этой главе Гитлер повествует, как архангел Гавриил возвестил ему все, что написано ниже и что образует основу его идеологии, каковая, стало быть, есть непосредственный завет Господа.

Стал бы национал-социализм в таком случае религией и мог бы практиковать свое учение, ссылаясь на свободу вероисповедания? Предвосхитим вывод: религия не составляет проблемы для общества, только когда являет себя как духовное личное дело, придающее индивиду силы, а его жизни – смысл. Поскольку она учит добродетелям, например честности, терпимости и добропорядочности, она может даже быть средством спайки для исполненного доверия и мирного общежития в больших группах. В этом плане из вопроса, кто во что верит или не верит, не вытекает потребность в регламентации. Свободное общество не вмешивается в личные убеждения. Но если религия требует привилегий для своих приверженцев или упорно настаивает, чтобы неверующие соблюдали определенные правила, она немедля становится (также и) политической идеологией. И вот тут начинаются проблемы. Ведь в таком случае друг другу противостоят две системы регламентации, а именно религиозная и светская. А постольку, поскольку они не абсолютно совпадают, возникает вопрос, каким правилам отдать предпочтение.

Долгое время принадлежать двум противоречащим друг другу системам невозможно – одна всегда одержит верх, причем, как правило, более готовая к насилию, а не более привлекательная морально или интеллектуально. И если сталкиваются взаимоисключающие убеждения, компромиссов быть не может. Женщина либо имеет равные права с мужчиной, либо не имеет. Права сторонников разных религиозных направлений либо равны, либо нет. Религия есть личное дело либо нет. Критика богов или пророков разрешена либо нет. В этом плане история Европы в последние столетия отмечена беспрестанной борьбой за подавление коллективной претензии религии на регулирование, в пользу гарантированных государством прав индивида. Ведь и США в конечном счете военными средствами вынудили мормонов произвести раздел государства и церкви¹²².

Поэтому не стоит удивляться, что ныне особенно *ислам* распространяется из религиозной частной сферы на общественную жизнь. Ибо ислам понимает себя не только как религию, но и как замкнутую политико-правовую систему ценностей, которая предусматривает полную регламентацию будничной жизни. Поэтому мы не можем не присмотреться к этой системе.

По исламской самотрактовке, уже разделение религии и общества вовсе не предусмотрено:

*[Сунна и Коран] образуют основу исламской веры, исламского права и исламского образа жизни... Поэтому ислам есть одновременно вера, этика, социальный строй и образ жизни*¹²³.

Совокупность всех правил из Корана и изложенной в *хадисах Сунны* – высказывания и деяния пророка, именуемые *шариатом*. Изрядная доля этих правил касается отношения к немусульманам, которые большей частью однозначно подвергаются унижению¹²⁴. Коран для мусульман есть опять-таки «истинное слово Аллаха»¹²⁵. Его изречения поэтому непосредственно обязательны и в рамках шариата имеют силу закона. Таким образом, Коран не просто исторический текст вроде *Ветхого Завета*, где, кстати, всего лишь десять прямых заповедей.

¹²² А именно в так называемой Ютской войне 1857–1858 годов, когда президент Бьюкенен хотел предотвратить фактическую теократию.

¹²³ Отрывок из программного заявления «Центрального совета мусульман в Германии» от 3 февраля 2002 года, так называемой Исламской хартии, § 3 и § 8: <http://zentralrat.de/3035/php>

¹²⁴ Мой собственный анализ немецкого перевода Корана, который выполнен Расулом (Rassoul) в 1986 году и считается очень близким к арабскому оригиналу, после рассмотрения первых 1 473 аятов (из в совокупности 6 236) показал: в 5 % (73) из этих 1473 аятов неверных «только» оскорбляли или унижали, в 18 % (263) аятов Аллах по меньшей мере грозил им карой или преисподней, а в 6 % (86) речь шла о вооруженной борьбе с ними и об их убийстве. Соответственно в целом 29 % аятов так или иначе направлены против неверных.

¹²⁵ Это бесспорно по меньшей мере среди суннитов, шиитов, ваххабитов (= 95 % всех мусульман). Ср. также ст. 3 Исламской хартии: <http://zentralrat.de/3035.php>

Отсюда вытекают проблемы, а именно когда правила шариата сталкиваются с иначе сформулированными государственными правилами, например касательно:

- запрета на насилие против инакомыслящих,
- свободы слова и искусства,
- равноправия женщины,
- свободы вероисповедания, в частности атеизма,
- сексуального самоопределения, в частности гомосексуализма,
- свободы заключения брака,
- запрета унижительных наказаний,
- одинакового отношения к различным убеждениям,
- смены религии, в частности выхода из ислама.

Что же тогда действует? Если шариат предпринимает здесь отклоняющиеся регулирования, осуществляемые на основании так называемой отмены¹²⁶ и без того более умеренных пассажей Корана, например касательно места женщины¹²⁷, критиков ислама¹²⁸, евреев и христиан¹²⁹, женитьбы¹³⁰, наказаний¹³¹, отхода от веры¹³², то почему бы им не действовать? Почему действует заповедь, что нельзя есть свинину, но не заповеди не водить дружбу с христианином (сура 5, аят 51 и 3,118), отсекал руку вору (5,38) или насилием бороться с неверными (9,123; 9,111; 2,191; 4,89; 47,4)?

Как можно быть мусульманином и отвергать действие этих предписаний? Верующим тоже необходимы ясность и постоянство. Коран либо есть непосредственное слово Аллаха, либо нет. Если да, то обязательны все заповеди, а не произвольная их выборка. В этом состоит слабость умеренных течений в исламе. Они просто игнорируют определенные нормы, но не имеют четкой умозрительной конструкции, позволяющей все это между собой увязать. Поэтому так популярны якобы радикальные направления ислама. Они логичны, непосредственно соответствуют письменному преданию, а к тому же отражают жизнь пророка, который повелевал убивать многочисленных противников вероучения и критиков¹³³. Это отнюдь не только теологическая проблема. Из 57 государств – членов *Организации исламского сотрудничества*

¹²⁶ Отмена вытекает, например, из суры 2 аят 106 Корана (перевод Хеннинга [Henning], 1991). В ней содержится то, что позднейшие суры отменяют, если по содержанию существует противоречие; отмена соответствует признанному принципу толкования *lex posterior derogat legi priori* (последующий закон отменяет предыдущий); все цитаты ниже приведены по переводу Хеннинга. В противоположность христианству, где скорее пацифистский Новый Завет модифицирует склонный к насилию Ветхий Завет, позднейшие, происходящие из Медины суры Корана одобряют насилие.

¹²⁷ Мужчины однозначно стоят выше женщин (2,228, в конце), при опасности упрямства жен надлежит бить (4,34 [русс. пер. 4, 38]). Наследуют женщины по сравнению с мужчинами только половину (4,11 и 4,176 [русс. пер. 4, 175]) и сексуально должны быть в любое время в распоряжении мужа (2,223). В случае супружеской неверности женщин надлежит пожизненно держать в узилище (4,15).

¹²⁸ Противникам ислама должно отсекал руки и ноги (5,33), неверных же убивать (2,191; 4,89 [4,91]) или отсекал им голову (47,4). Сражаться с неверными надлежит со всею жестокостью (9,123 [9,124]) даже ценой собственной жизни (9,111).

¹²⁹ Надо вести борьбу против евреев и христиан (9,29), нельзя брать их в друзья (5,51 [5,56] и 3,118 [3,114]), как вообще нельзя повиноваться неверным (25,52 [25,54]).

¹³⁰ Женщины-мусульманки не вправе вступать в брак с немусульманами (60,10).

¹³¹ Всем вору надлежит отсекал руку (5,38 [5,42]).

¹³² Отошедшего от ислама должно убить. Выводится из хадисов, ср. Nagel 2014, 351–354.

¹³³ Также из хадисов следует, что Мухаммед лично отдал множество приказов убить неприятных критиков. Среди них были и женщины, например Асма бинт Марван, которая – во время кормления младенца – была убита наемниками пророка. По приказу Мухаммеда была убита и рабыня Фартана вместе с подругой и своим хозяином Ибн-Хаталом. Они дерзнули петь насмешливые песенки о пророке. В 627 году н. э. Мухаммед приказал обезглавить всех 700–900 пленных мужчин еврейского рода Бану-Курайза.

ничества 45 подписали в 1990 году так называемую «Каирскую декларацию о правах человека в исламе»¹³⁴. В ней, в частности, говорится:

Ст. 1а) Все люди образуют семью, членов которой объединяет покорность Господу и которые все происходят от Адама [...]

Ст. 2а) [...] запрещено отнимать у другого жизнь, кроме как когда этого требует шариат. [...]

Ст. 2d) Право на физическую неприкосновенность гарантируется. [...] кроме тех случаев, когда имеется предписанная шариатом причина. [...]

Ст. 24: Все права и свободы, названные в этой декларации, подлежат исламскому шариату. [...]

Ст. 25: Исламский шариат есть единственный главный источник для толкования или объяснения каждой статьи данной декларации.

Таким образом, совокупные права человека, в том числе право на жизнь и физическую неприкосновенность, подчинены ограничениям шариата, причем универсально. А это означает, что божественное право даже превышает прав человека. Критики ислама поэтому не имеют права на физическую неприкосновенность, поскольку шариат предусматривает иное (прочитайте вышеупомянутую статью 2d, а также суру 5, аят 33: кто выступает против ислама, тому должно отсекать руки и ноги).

Всякий общественный строй, пропагирующий неотчуждаемые права индивида независимо от его вероисповедания, находится, стало быть, в конфликте с исламом. Это давний конфликт между разумными, созданными человеком правилами и якобы божественным правом. Его можно отвергать, игнорировать, приукрашивать, но не искоренить. Борьбы за верховенство регулирования так или иначе не избежать. В конце концов более слабый приспособится. И этот процесс уже идет полным ходом. Приведу три примера.

Моя жена, дочь сенегальских иммигрантов, выросла в предместьях Парижа. Несколько знакомых и родственниц до сих пор живут там. Они рассказывают, что в тех кварталах, где они в юности ходили в коротеньких шортах, сейчас патрулируют молодые мусульманские мужчины, под угрозой насилия запрещающие любую фривольную одежду и полностью закрывающие женщинам доступ в определенные кафе и рестораны¹³⁵. Другие ее знакомые, в свое время регулярно посещавшие вечеринки и слывшие вольнодумцами, ныне строго соблюдают религиозные предписания, свысока смотрят на «неверных» и тех мусульман, которые не следуют религиозным правилам.

В Берлине 2017 года реформаторша Сейран Атеш открыла либеральную мечеть, где мужчины и женщины молятся сообща и женщины не обязаны носить хиджаб. За короткое время единоверцы более ста раз угрожали ей убийством, и на людях она может появляться лишь под охраной полиции. Немало мусульман сообщили ей, что поддерживают ее дело, но из страха предпочитают не посещать либеральную мечеть¹³⁶.

¹³⁴ www.humanrights.ch/upload/pdf/140327_Kairoer_Erklaerung_der_OIC.pdf

¹³⁵ К сожалению, это не единичный случай, судя по информации французского телевидения: www.youtube.com/watch?v=Y597ZkuhhsA. В результате женщины мало-помалу уходят из общественного пространства. Напротив, в цивилизованном обществе женщины могут появляться на людях незакутанными, в сексапильной одежде, не опасаясь угроз, лапани и приставаний.

¹³⁶ <https://www.tichyseinblick.de/daili-essentials/dokumentation-drohungen-und-verwuensungen-als-reaktion-auf-die-liberale-moschee>; www.youtube.com/watch?v=oUD-140L8ORg

«Немецкому журналисту Ширмбеку, который жил в Алжире, довелось увидеть, как буквально за несколько лет ориентированное на Запад, светское общество превратилось в ограничительное исламское общество, хотя многие там, пожалуй едва ли не большинство, этого не хотели. Радикальное меньшинство со своей идеологией одержало верх и исламизировало общественное пространство. Под их напором люди упали как фишки домино, приняли обязательность правил шариата, публично не пьют спиртного, не играют в запрещенные игры, соблюдают религиозные предписания в еде и ритуалы, делят людей на чистых и нечистых, заставляют женщин скрывать лицо и т. д. Более того, подчинившись правилам радикалов, масса теперь оказывает коллективный нажим на тех, кто пока не сдался». (Резюмирующая цитата из Михаэля Клоновского по поводу Ширмбека, 2016)¹³⁷

По данным 2013 года¹³⁸, в исламских странах по вопросу, следует ли сделать шариат официально действующим в стране законодательством, высказались: в Тунисе – 56 %, в Иордании – 71 %, в Египте – 74 %, в Марокко – 83 %, в Пакистане – 84 %, в Палестине – 89 %, в Ираке – 91 %, в Афганистане – 99 %. Таким образом, перед каждым светским обществом встает вопрос, как обходиться с мусульманскими иммигрантами особенно из этих стран. В принципе есть три возможности.

1. *Отрицание проблемы: «Религиозная принадлежность не играет роли, ислам – такая же религия, как любая другая». («Западноевропейское решение»)¹³⁹*

2. *Полный отказ: «Мы отказываемся превращать свою страну в мультикультурное общество несоединимых сообществ». («Восточноевропейское решение»)¹⁴⁰*

3. *Избирательность: светские мусульмане, открыто признающие главенство светских правил, будут охотно приняты, остальные нет. («Примирительное решение»)*

Буквально *каждое* немусульманское общество в мире должно, учитывая все за и против, а также последствия, выбрать один из этих трех вариантов. В пользу третьего говорит то, что человек становится мусульманином просто по рождению, а не по своей воле, вдобавок многие мусульмане действительно считают религию личным делом каждого и существует ряд подгрупп, представляющих просвещенные трактовки ислама. Против свидетельствует наблюдение, что и светские мусульмане после жизненных кризисов или под групповым нажимом снова подчинялись правилам шариата и успешная интеграция мусульман в немусульманские общества, очевидно, повсюду в мире весьма проблематична¹⁴¹.

¹³⁷ Schirmbeck 2016. Цитата из «Acta diurna» от 25.11.16; www.michael-klonovsky.de/acta-diurna

¹³⁸ Pew Research Center “The World’s Muslims: Religion, Politics and Society” 2013; www.pewforum.org/2013/04/30/the-worlds-muslims-religion-politics-society-overview

¹³⁹ www.pewforum.org/2013/04/30/the-worlds-muslims-religion-politics-society-overview/ В этом смысле высказались, в частности, ведущие немецкие политики Мартин Шульц (Martin Schulz), Кристиан Вульф (Christian Wulff) и Вольфганг Шойбле (Wolfgang Schäuble).

¹⁴⁰ Так заявил чешский экс-президент Вацлав Клаус (Václav Klaus).

¹⁴¹ На склоне лет основатель современного Сингапура Ли Куан Ю, опираясь на свой личный опыт, пришел к выводу, что общественный строй Сингапура способен интегрировать все группы людей за исключением мусульман (Нап 2011, 228). Махатма Ганди пришел к тому же: «Меж тем как индуисты, сикхи, христиане, парсы и евреи могли в относительной всеобщей гармонии сосуществовать с несколькими миллионами приверженцев анимистических религий, была одна религия, неспособ-

Долговечное решение может заключаться только в институционализации реформированного ислама, что уже пытаются делать смелые, просвещенные мусульмане, отчасти с опасностью для жизни¹⁴². Это означает – принять разделение религии и политики и приватизировать веру. Сюда относится признание главенства светских законов, правового равенства мужчины и женщины, права на сексуальное самоопределение включая гомосексуализм, а также права в любое время иметь возможность без санкций оставить религию. Далее, сюда же входит отказ от применения силы для достижения религиозных целей, окончательная, а не только временная отмена рабства, упразднение многочисленных в Коране призывов к убийству, правовое равенство для иноверцев, отказ от доктрины главенства ислама, а также допущение критики веры и пророка, – и это лишь важнейшие пункты¹⁴³.

Пока это не произошло, исламская проблема останется. И будет занимать мир еще много десятилетий.

Какие же права мы вообще признаем за религиями в свободном, светском обществе? Коротко говоря, ни одна религия не должна обладать привилегиями, которые не идут на пользу всем остальным гражданам. То есть все законы распространяются и на религиозных граждан, причем *без ограничения*. Свобода религий возможна только как свобода вероисповедания, а не как привилегия. А это значит, что, к примеру, обрезание гениталий малолетних обоего пола есть наказуемая физическая травма. Согласие невозможно, ибо малолетние (еще) не правомочны соглашаться. Мотивы этого физического травмирования не могут иметь значения. Несущественно и то, что речь идет большей частью о собственных детях. В противном случае пришлось бы допустить также все прочие физические травмы и даже преступления против жизни собственных детей. То же касается и истязания животных. Если общество решило положить конец истязанию животных, иначе говоря, излишним страданиям животных без разумной на то причины, религиозные граждане тоже обязаны выполнять данное решение. Например, в случае так называемого заклания, когда у живого необезболенного животного медленно выпускают кровь, поскольку так предписано в древней книге. И ведь не то чтобы означенные проблемы были непреодолимы. При наличии некоторой доли доброй воли есть возможности и при соблюдении закона об охране животных убивать животных по религиозным ритуалам. И вполне можно себе представить, что решение об обрезании примут сами соответствующие лица по достижении совершеннолетия.

Свобода религии, предоставляющей своим сторонникам привилегии, напротив, контрпродуктивна. Это не право на свободу, а неравенство в пользу тех, кто апеллирует к религии, и не в пользу тех, кто этого не делает. В действительности речь идет исключительно о власти и умиротворении, а не о праве. Если общество устанавливает правила, они должны распространяться на всех. Равенство перед законом – *вот* умиротворяющий принцип правового государства. Все его нарушения в итоге приводят к раздорам и социальной дисгармонии. Как раз в системе, основанной на взаимности и *золотом правиле*, не может быть места для религиозных привилегий. То же касается и критики религий или их богов. В свободном обществе не может

ная идти на компромиссы и всегда стоявшая особняком от остальных: ислам». На одном мероприятии в Висбадене князь Ханс-Адам II Лихтенштейнский в ответ на мой вопрос сообщил, что в настоящее время Лихтенштейн не имеет серьезных проблем со своим мусульманским меньшинством, однако это меньшинство имеет тенденцию к нарочитому обособлению, в особенности женщины. Предложения интеграционного характера, например приглашения участвовать в общих мероприятиях, оставляются без внимания.

¹⁴² Такие люди, как Аяан Хирси Али (Ayaan Hirsi Ali), Хамед Абдель-Самад (Hamed Abdel-Samad), Сабатина Джеймс (Sabatina James), Раиф Бадави (Raif Badawi), Уфук Эзбе (Ufuk Özbe), Неджла Келек (Necla Kelek), Бассам Тиби (Bassam Tibi), Сейран Атеш (Seyran Ates), Абдель-Хаким Оурги (Abdel-Hakim Ourghi) и другие, ни в чем не уступают европейским реформаторам эпохи Просвещения. Им всем грозит убийство. Многие, как, например, суданец Махмуд Мухаммад Таха (Mahmud Muhammad Taha), уже убиты.

¹⁴³ Желаям серьезно вникнуть в критику ислама советуем начать с Sonningen 2015, а также интервью журналиста «Нойе цюрхер цайтунг» с Хамедом Абдель-Самадом: <https://www.nzz.ch/meinung/nzz-standpunkte-hamad-abdel-samad-islam-und-islamkritik-ld.149073>; затем обратиться к Nagel 2014 и Ye'or 2013.

быть права, исключаяющего кого-либо из числа объектов насмешки или критики. Если религиозные люди не желают с этим мириться, им следует создавать собственные общества. Зачем вообще людям, имеющим в корне различные представления об общежитии, жить вместе? Это лишь чревато конфликтами.

V. Целесообразны ли границы?

*В минувшем году мы потеряли контроль над своими границами. Теперь начинаем терять контроль над улицами и площадями.
Маркус Сёдер, баварский министр финансов и национальностей,
2016 г.*

Следующий важнейший вопрос для всех общественных устройств – пограничная охрана и управление иммиграцией. Но нужны ли нам вообще границы? Разве было бы не замечательно и не в высшей степени гуманно, если бы каждый мог поселиться там, где хочет? С другой стороны, разве было бы не замечательно и не в высшей степени гуманно, если бы каждый мог построить свой дом там, где хочет, независимо от того, кому принадлежит земельный участок? По меньшей мере владелец земли смотрит на это иначе. Но не только земельная собственность, но и успешное и стабильное сообщество – товар ограниченный. Как таковые, они, разумеется, имеют цену. А она заключается, например, в том, что для иммиграции требуются определенные условия.

Согласно одной точке зрения, полная свобода выбора места жительства, а тем самым открытие всех границ обеспечили бы по всему миру удвоение валового национального продукта, сравнимое с положительными воздействиями свободной торговли, и уже по этой причине заслуживают одобрения¹⁴⁴. Такова теория. На практике получилось бы совершенно наоборот, потому что при таком подходе изначально опущены сразу несколько факторов и стимулов. Рассмотрим ситуацию подробнее.

Гарантия безопасности

Охраняемые границы – гарантия внутренней и внешней безопасности сообщества. Ибо самый простой путь повысить свой уровень жизни был и есть – отнять что-нибудь у других. Поэтому богатые страны с открытыми границами будут *всегда* притягивать и толпы людей, имеющих нечестные намерения.

По оценкам немецкой полиции, при открытии границ в 2015 году в Германию явились тысячи грузинских бандитов-взломщиков, чтобы подать безнадежные заявления о предоставлении убежища (Грузия считается безопасной страной происхождения) и впредь до законного отказа заниматься грабежами¹⁴⁵.

Открытые границы исключают и возможность снова выдворять понаехавших преступников. Ведь границы не контролируются, и они в любое время могут вернуться. Государство в таком случае уже не способно выполнять свою единственно легитимную задачу, а именно защищать жизнь, свободу и собственность своих граждан. Так, известен случай многократного насильника, которого уже четыре раза выдворяли из Германии, но он возвращался и совершал новые преступления¹⁴⁶. Положение с безопасностью в подобной системе со временем только

¹⁴⁴ <https://openborders.info/double-world-gdp/>

¹⁴⁵ www.welt.de/politik/deutschland/article153841628/Intensive-Straftaten-waehrend-des-Asylverfahrens.html

¹⁴⁶ https://www.focus.de/panorama/welt/ingelheim-vergewaltiger-wurde-bereits-vier-mal-abgeschoben_id_5842809.html

ухудшается. Уровень преступности растет. Опыт Швеции¹⁴⁷ и Германии убедительно это подтверждает.

В 2015 году Германия полностью открыла свои границы, зато в 2016-м впервые за 350-летнюю историю знаменитого Октоберфеста ей пришлось обнести его территорию забором и на входе проверять документы. Рождественские базары, карнавальные шествия и более-менее крупные мероприятия с тех пор охраняются тяжеловооруженными полицейскими, с применением уличных заграждений и строгого контроля на входе. Насильственные преступления доселе невиданной жестокости, изнасилования даже детей и старух, поножовщина, массовые драки железными прутьями, нападения на полицейских, евреев, кондукторов, персонал службы «скорой помощи» и больниц стали будничной реальностью¹⁴⁸.

Пусть вероятность, что это коснется тебя лично, пока что все еще невелика: основополагающая уверенность, что ты можешь безопасно передвигаться в общественном пространстве, утрачивается. А это для любого сообщества – очень серьезный изъян с точки зрения конкуренции. В результате те, кто может себе это позволить, переезжают в системы, предлагающие большую безопасность. В Германии и в других местах такой процесс уже начался¹⁴⁹.

Можно либо обнести забором свой дом, свой квартал, либо всю свою страну. Иных альтернатив не существует. Но чем дальше от забора, тем выше качество жизни.

Предотвращение неприятельских захватов

Границы должны также защищать от неприятельских захватов. То есть их назначение – ограничивать другие режимы. Отчасти границы меж взаимоисключающими идеологиями обеспечиваются мощными военными средствами, как, например, граница Западной Германии с Восточной Германией во время *холодной войны* 1948–1989 годов. Вот почему безопасность границ всегда есть также гарантия безопасности собственного образа жизни. А ненадежные границы всегда дают возможность захватить страну без применения военных средств. Если бы богатая сырьем Австралия (24 млн жителей) решилась на политику открытых границ, то, например, Китай мог бы прийти к мысли просто переселить туда 30 млн заслуженных пар-

¹⁴⁷ В моей юности Швеция была одной из самых безопасных стран в мире. Ныне там из-за угрозы сексуальных домогательств приходится отменять музыкальные фестивали, а уровень изнасилований по стране один из самых высоких в мире, в некоторых населенных пунктах евреи не смеют называться евреями, и даже полиция говорит, что уже не может обеспечить правопорядок по всей территории: www.bayernkurier.de/ausland/21976-mehr-gewalt-weniger-polizei/; www.dailymail.co.uk/news/article-4269576/KATIE-HOPKINS-reports-Scandi-lib-paradise-Sweden.html#xzz4a2ZySYvk; www.timesofisrael.com/pro-palestinian-protesters-in-sweden-chant-slaughter-the-jews/; www.tichyseinblick.de/meinungen/der-anschlag-von-stockholm-menetekel-fuer-schweden/; www.b.dk/globalt/svensk-politi-slaar-alarm-vi-er-at-miste-kontrollen; www.svt.se/nyheter/lokalt/vast/fler-och-fler-problemomraden-dar-polisen-motarbetas

¹⁴⁸ В годы моей юности – в 1970-х и 1980-х – Германия тоже была обществом, где во многих населенных пунктах можно было уйти из дома, не запирая дверь; по всей стране народные праздники проходили без проверки документов на входе, и никаких поножовщин не случалось. Конечно, дискотеки или крестьянская ярмарка иной раз кончались синяками, но отнюдь не огнестрельными или колотыми ранами и не пробитыми головами. И вот что мы имеем теперь: <https://www.tichyseinblick.de/gastbeitrag/importierte-kriminalitaet-neue-fakten-zur-auslaenderkriminalitaet-in-deutschland/>; <https://www.tichyseinblick.de/tichys-einblick/auslaenderkriminalitaet-die-gewaltspirale-dreht-sich/>; <https://www.tichyseinblick.de/gastbeitrag/veraenderung-der-kriminalitaet-durch-die-fluechtlingskrise/>; [www.juergenfritz.com/2017/12/09/tiefere-gruende-immigranten-kriminalitaet/](https://juergenfritz.com/2017/12/09/tiefere-gruende-immigranten-kriminalitaet/); www.nw.de/nachrichten/regionale-politik/20990676-Weiterer-Lehrer-aus-OWL-berichten-von-Gewalt-in-der-Schule.html; www.welt.de/politik/deutschland/article160263451/Die-Polizei-wuerde-den-Kampf-mit-uns-nicht-gewinnen.html; www.achgut.com/artikel/warum-man-in-diesen-tagen-die-lokalseiten-lesen-sollte

¹⁴⁹ www.manager-magazin.de/finanzen/artikel/new-world-wealth-tausende-millionaere-verlassen-deutschland-a-1136470.html#spRedirectedFrom=www

тийцев, чтобы привести Австралию под собственное влияние. Что случилось бы с Израилем при политике открытых границ, легко себе представить, даже не обладая буйной фантазией. Да и в Европе исламисты уже не первый год открыто обсуждают аспекты захвата.

*Европейцы полагают, что мусульмане явились в Европу, только чтобы заработать денег. Но у Аллаха другой план*¹⁵⁰.

Недждметтин Эрбакан, турецкий премьер-министр, 2001 г.

*В 2100 году в Германии будет 35 миллионов турок. Число жителей-немцев составит тогда около 20 миллионов. То, что начал в 1529 году султан Сулейман осадой Вены, мы завершим через увеличение населения с помощью наших крепких мужчин и здоровых женщин*¹⁵¹.

Вурал Эгер, немецко-турецкий предприниматель, 2004 г.

*В 2050 году в Великобритании будет мусульманское большинство. Это означает конец свободы и демократии, но подчинение Аллаху*¹⁵².

Анджем Чудари, британский исламский активист, 2016 г.

В таком смысле границы всегда были и есть ограничение других, имеющих иные представления об общежитии. Если иммигранты в большинстве придерживаются мнения, что их религиозные заповеди превыше законов страны, куда они иммигрировали, то, по сути, это означает, что они хотят заменить тамошние порядки другими. Но тогда речь идет не об иммиграции, а о вторжении. Тот, кто пускает в свою страну большое количество подобных людей, создает предпосылки для обстановки, близкой к гражданской войне. Ни режимы с богоглавенством, ни режимы с гражданскими войнами, однако, не отличаются особенно высоким темпом роста и инноваций.

Изобретение общепризнанной частной собственности имело в высшей степени умиротворяющее воздействие, сходным образом дело обстоит и с изобретением географических границ и их взаимным признанием. Тот, кто хочет защитить свой образ жизни, свою культуру или свои материальные и духовные ценности, кто хочет жить в мире, свободе и самоопределении, должен тех, кто этого не желает, держать вне своих пределов. В противном случае они рано или поздно достигнут достаточно большой численности и попытаются захватить власть.

Защита приобретенных прав

Писаные и неписаные правила общества, его институты, его социальная система, а также инфраструктура большей частью создавались и финансировались в течение долгого времени. Люди, в этом участвовавшие, пусть даже вынужденно, через уплату налогов и сборов, приобрели правовую позицию, сходную с собственностью. Но если извне заявляются добавочные пользователи этих услуг и ничего за них не платят, отдельному плательщику достается меньше. Особенно в социальной системе. Но также и в иных сферах государственных услуг вроде инфраструктуры (школы, детские сады, больницы, общественные дороги и здания), помощи за рубежом (посольства, консульства), а в первую очередь безопасности (полиция, армия, пограничная охрана). Каждая успешная система может поглотить и определенное количество неквалифицированных иммигрантов, особенно если они готовы ассимилироваться; однако начиная с определенного момента такая иммиграция оборачивается обузой. Приходится значительно

¹⁵⁰ В апреле 2001 года в Хагене на одной из встреч, по сообщению баварского Ведомства по охране конституции (Bayrischer Verfassungsschutzbericht 2001, 147). Эрбакан считается наставником нынешнего президента Эрдогана.

¹⁵¹ Немецко-турецкий предприниматель и политик от СПГ высказался таким образом на обеде в турецкой газете «Хюрриет» («Hürriyet»), как сообщает «Бильд» («Bild») 16 мая 2004 года. Позднее Эгер утверждал, что это была шутка.

¹⁵² www.telegraph.co.uk/news/2016/09/06/judge-challenges-islamist-extremists-who-live-on-benefits-while/

увеличивать инвестиции в безопасность, за счет других областей. Социальное страхование все ближе к банкротству, обеспечение по старости, особенно в системах с рефинансированием, находится под угрозой, из-за массовой иммиграции инфраструктура в целом перегружена, и платежи, совершаемые гражданами, в результате обесцениваются. Подобная иммиграция против воли местного населения фактически представляет собой его частичную экспроприацию, а тем самым равнозначна нарушению права собственности. Коль скоро правительство произвольно или даже в нарушение действующего законодательства расширяет круг соответственно правомочных, невозможно избежать противодействия по меньшей мере части людей, которые долгие годы и десятилетия строили и финансировали все это, в том числе и цивилизованное, мирное окружение, и правопритязания которых таким образом ущемляются¹⁵³

¹⁵³ Протесты потерпевших связаны не столько с «популизмом» или «ксенофобией», сколько с требованием соблюсти их обоснованные интересы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.